

ТЫ — МОЯ
худшая
ПРИВЫЧКА

18+

M I A R A I N

«Ты — моя»

Мия Рейн

Ты — моя худшая привычка

«Автор»

2026

Рейн М.

Ты — моя худшая привычка / М. Рейн — «Автор», 2026 — («Ты — моя»)

Она переводится в новый колледж, чтобы забыть прошлое и начать всё сначала. Но там её ждёт он — парень из детства, которого она слишком долго убеждала себя ненавидеть. Самоуверенный, невыносимый и опасно привлекательный. Между ними снова вспыхивают старые ссоры, подколы и чувства, которые лучше было бы не трогать. А потом прошлое находит её. Теперь ей придётся решить, кому можно доверять — и почему именно он становится человеком, рядом с которым страшно меньше всего.

© Рейн М., 2026

© Автор, 2026

Мия Рейн

Ты — моя худшая привычка

ГЛАВА 1 ЗА СТЕКЛОМ

Эйвери не сразу услышала, как открылась дверь ванной. Шум воды заглушал всё остальное, пар затянул зеркало и душевое стекло, а после долгого дня ей впервые удалось перестать думать хотя бы на несколько минут.

Поэтому тихий скрип за спиной сначала показался частью старого здания. Потом в размытом отражении за стеклом появилась высокая фигура.

Эйвери резко обернулась.

— Серьёзно?.. Ты совсем больной, Хейз?

За запотевшей перегородкой стоял Коул Хейз — в чёрной футболке, тёмных спортивных брюках и с таким невозмутимым лицом, словно войти в чужую ванную посреди ночи было совершенно нормальным способом начать разговор.

Конечно, Коул. Кто ещё мог решить, что элементарные границы придуманы для всех, кроме него?

— Ты не отвечала. Я стучал, но ты решила меня игнорировать.

— И после этого тебе показалось разумным просто войти? Нужно было пережить отказ и уйти, как это делают нормальные люди.

Обычно к этому моменту он уже нашёл бы реплику, способную вывести её из себя. У них был многолетний опыт: в детстве они спорили, кто быстрее добегит до конца улицы, кто первым прыгнет с пирса, кто получит лучшую оценку; потом соревнования закончились, но привычка цеплять друг друга осталась. Коул мог превратить в состязание что угодно — даже молчание.

Сейчас он молчал.

И это насторожило сильнее самого вторжения.

За те годы, что они почти не виделись, мальчишка из соседнего дома успел стать капитаном университетской команды, любимцем кампуса и человеком, которого, судя по слухам, любили преподаватели, болельщики и добрая половина девушек в радиусе нескольких миль. Самомнение Коула, вероятно, тоже выросло вместе с ним.

Только на Эйвери его знаменитое обаяние по-прежнему не действовало. Во всяком случае, именно это она собиралась утверждать до последнего.

— Ладно. Если ты уже решил окончательно испортить мне вечер, хотя бы скажи, зачем пришёл.

На секунду его лицо изменилось. Почти незаметно напряглась челюсть, и Эйвери поняла: он пришёл не ради очередного спора.

— Меня интересует парень, который проводил тебя сюда. Кто он? И не начинай делать вид, будто не понимаешь, о ком я.

— Ты врываешься ко мне ночью, задаёшь вопросы о человеке, которого даже не знаешь, и почему-то считаешь, что я обязана отчитываться. С какой стати?

Коул коротко вдохнул, явно удерживая раздражение.

— Потому что я видел, как он смотрел на тебя.

Вот оно что.

Эйвери скрестила руки и оперлась плечом о стену душевой. Теперь происходящее наконец становилось понятнее — и куда интереснее.

— А-а. Значит, всё-таки заметил. А я пытаюсь понять, какое отношение мой знакомый имеет к тебе.

— Я задал простой вопрос, Эйвери. Не заставляй меня вытягивать из тебя каждое слово.

— Тогда привыкай к разочарованиям. Я решила не отвечать.

Раздражение в его взгляде вспыхнуло ярче. Ещё недавно Эйвери получила бы от этого почти детское удовольствие, но сейчас в Коуле было слишком мало привычной игры.

— Хорошо. Тогда скажу иначе: мне не нравится, что незнакомый парень привозит тебя ночью к общежитию, а я понятия не имею, кто он.

— Не твоё дело.

Пауза между ними заполнилась шумом воды. Коул подошёл ближе — всего на шаг, но за мутным стеклом расстояние неожиданно перестало казаться безопасным.

Эйвери вскинула подбородок.

— Только не говори, что ты ревнуешь. Это будет слишком хорошим завершением вечера.

Она ожидала насмешки. Вместо неё Коул ответил почти сразу:

— Я не ревную. Меня бесит, что он был так близко к тебе, а ты ведёшь себя так, будто это совершенно нормально.

Улыбка, которую она приготовила заранее, дрогнула. Слишком прямой ответ. Слишком настоящий.

Он заметил её растерянность и почти мгновенно вернул на лицо знакомое спокойствие, но поздно: Эйвери уже увидела то, что он пытался спрятать.

— Невероятно. Великий Коул Хейз всё-таки испытывает человеческие эмоции. Университетская газета должна узнать первой.

— А ты всё ещё думаешь, что сарказм делает тебя невидимой. Но я слишком давно тебя знаю, чтобы не замечать, когда ты прячешься за ним.

— Я ни от кого не прячусь. И уж точно не собираюсь оправдываться перед человеком, который привык, что весь кампус крутится вокруг него.

— Дело не в кампусе. Ты всегда делаешь одно и то же: как только разговор становится неудобным, находишь способ уйти или превратить всё в шутку.

Насмешка исчезла сама собой.

Коул понял, куда попал. Разумеется, понял — он всегда замечал именно то, что Эйвери хотелось оставить без внимания.

— Осторожнее, Хейз. Есть вещи, в которые тебе лучше не лезть, даже если очень хочется снова решить всё за меня.

Теперь игра закончилась окончательно. Коул смотрел на неё без привычной улыбки, и жаркая ванная вдруг показалась слишком тесной.

— Я знаю, почему ты перевелась сюда.

Шум воды никуда не исчез, но Эйвери перестала его слышать.

Этого не могло быть. Она никому не объяснила настоящую причину перевода. Слишком тщательно выбирала слова для родителей, слишком осторожно отвечала на вопросы новых знакомых и слишком долго училась говорить о прошлом так, будто оно не имело значения.

Особенно Коул не должен был узнать.

— Что ты сказал?

— Ты слышала. И прежде чем ты снова попытаешься закрыть эту тему, я хочу, чтобы ты поняла: я не собираюсь притворяться, будто ничего не произошло.

Эйвери отодвинула стеклянную дверь ровно настолько, чтобы между ними больше не было слоя конденсата. Пар вырвался наружу, однако Коул не отступил.

— Не смей говорить об этом так, будто знаешь хоть что-то. Ты понятия не имеешь, что произошло, и я не обязана рассказывать только потому, что ты решил потребовать объяснений.

— Тогда не заставляй меня додумывать. Если я чего-то не понимаю — скажи. Но перестань вести себя так, будто прошлое осталось в другом штате и больше не имеет к тебе отношения.

Он выдержал её взгляд. Впервые за весь разговор в нём не было ни насмешки, ни желания победить. Только упрямство, которое Эйвери помнила ещё с детства, и что-то новое, от чего становилось гораздо сложнее злиться.

— Почему тебя вообще это волнует?

— Потому что я тебя знаю.

Она рассмеялась, но фальшь собственного смеха услышала первой.

— Ты знаешь девочку, которая десять лет назад жила в соседнем доме. Не путай воспоминания со знанием человека, которым я стала.

— Я помню ту девочку. Но сейчас смотрю на тебя, Эйвери. И вижу достаточно, чтобы понять: когда тебе страшно, ты становишься язвительнее; когда больно — делаешь вид, что тебе всё равно. Ты почти не изменилась в этом.

Пальцы Эйвери крепче сжали край стеклянной двери.

— Не лсти себе. То, что ты что-то заметил, не даёт тебе права разбирать меня по частям.

Ответ был, но произнести его она не могла. Коул стоял слишком близко, и ещё хуже — ей совсем не хотелось, чтобы он отходил.

Его взгляд на мгновение опустился, затем снова встретился с её. Он не приблизился и не попытался воспользоваться молчанием.

— Тогда скажи мне уйти. Один раз, без сарказма и без попытки сделать вид, что тебе всё равно. Скажи — и я уйду.

Эйвери должна была сделать именно это. Он вмешивался туда, куда его не звали; видел слишком много; раздражал её с тех времён, когда она вообще научилась раздражаться. У неё было достаточно причин открыть дверь шире, указать на коридор и закончить разговор.

Но Коул ждал. Не двигался. Не касался её. Впервые за весь вечер оставлял решение полностью за ней.

— Ненавижу тебя, — сказала Эйвери тише, чем собиралась.

В уголках его губ мелькнуло знакомое выражение.

— Знаю.

Она сама сократила оставшееся расстояние: схватила его за ворот футболки и потянула к себе.

* * *

Эйвери Морган была абсолютно уверена в двух вещах. Перевод в новый колледж должен был стать её новым началом, а Коул Хейз находился в трёх штатах отсюда.

Она ошибалась в обеих.

ГЛАВА 2

ПРАВИЛО НОМЕР ОДИН — НЕ ДУМАТЬ О НЁМ

У нового начала должны были быть простые правила: не оглядываться назад, не повторять старых ошибок и ни при каких обстоятельствах не думать о Коуле Хейзе.

Последнее Эйвери нарушила ещё до того, как открыла глаза.

Она лежала поверх одеяла, смотрела в бледный потолок и слишком хорошо помнила грубую ткань его футболки под пальцами. Вчера между ними на одно безумное мгновение исчезли и запотевшее стекло, и годы взаимных укулов, и здравый смысл. Эйвери сама потянула его к себе — а Коул отступил.

Не испуганно и не резко. Он посмотрел на неё так, словно спорил уже не с ней, а с собой, и сказал только:

— Не сегодня, Эйвери.
После чего ушёл.

Именно эти два слова раздражали сильнее всего. «Не сегодня» звучало так, будто существовало какое-то завтра, в котором она снова могла схватить его за ворот футболки. Будто Коул имел право определять, когда именно ей совершать ошибки.

Телефон на тумбе завибрировал, не дав ей в очередной раз прокрутить сцену до конца. На экране висели три сообщения от Оливии.

Оливия: «Ты жива?»

Оливия: «Если да, кофе на кухне».

Оливия: «Если нет, я всё равно выпью твою порцию».

Эйвери закрыла лицо ладонями. Было всего семь двадцать, а желание отменить день уже казалось вполне разумным.

Через несколько минут она всё-таки встала, переоделась в свободные серые брюки и тёмный лонгслив и собрала волосы. Отражение в зеркале выглядело подозрительно обычным. Ни одной подсказки о том, что ночью она едва не поцеловала человека, которого много лет считала главным раздражителем своей жизни.

Удобно.

На общей кухне пахло кофе, подгоревшим хлебом и смешавшимися духами. Оливия сидела на краю столешницы и листала телефон. Светлые волосы она убрала наверх, тонкая золотистая оправа очков ловила утренний свет.

— Доброе утро. Ты выглядишь так, будто всю ночь принимала решения, о которых уже жалеешь. Я могла бы назвать это «загадочно и драматично», но до завтрака стараюсь не врать.

Эйвери взяла оставленную для неё кружку и спрятала за ней лицо.

— Спасибо за кофе. На этом проявление дружбы можно считать завершённым.

— Даже не надейся. Коул Хейз пришёл после полуночи, поднялся на ваш этаж, а минут через пятнадцать ушёл с таким лицом, будто проиграл финал чемпионата. Поэтому версия «ничего не произошло» сегодня не принимается.

Эйвери едва не поперхнулась кофе.

— Откуда ты вообще знаешь, когда он ушёл?

— Дженна из двести четырнадцатой видела его в коридоре. Это общежитие, Эйв. Если кто-нибудь чихнёт на первом этаже, к завтраку на четвёртом уже обсуждают беременность.

Эйвери тихо простонала и снова спряталась за кружкой.

— Он пришёл поговорить. Просто выбрал для этого максимально идиотское место и время.

Оливия прищурилась.

— Насколько идиотское?

— Он вошёл в ванную, пока я была там. И прежде чем ты начнёшь кричать, нет, ничего такого не произошло.

Оливия медленно сняла очки, но весёлое любопытство почти сразу исчезло.

— Ладно. Тогда без шуток. Он тебя напугал или сделал что-то, чего ты не хотела?

— Нет. Он остановился раньше, чем я сама успела понять, чего хочу. В этом как раз и проблема.

Ответ получился слишком честным, но в нём не было лжи. Коул не сделал ни одного движения, пока Эйвери сама не сократила расстояние. Не воспользовался ни её растерянностью, ни злостью. Именно поэтому произошедшее так трудно было свалить на него.

Оливия несколько секунд смотрела на неё, а затем вздохнула:

— Теперь понятно, почему у тебя вид человека, который всю ночь спорил сам с собой и проиграл. Совет всё равно дам, даже если ты его не просила: никогда не позволяй мужчине

с красивыми глазами понять, что он тебя волнует. Они после этого становятся совершенно невыносимыми.

— Коул был невыносимым задолго до того, как я заметила его глаза.

Оливия просияла.

— То есть глаза ты всё-таки заметила.

В неё полетело бумажное полотенце. Оливия рассмеялась, и напряжение наконец немного отпустило.

До первой пары оставалось двадцать минут. Они вышли из общежития и направились через кампус. После ночного дождя воздух был прохладным, на траве держалась влага, а старые кирпичные корпуса в мягком сентябрьском свете выглядели почти уютно.

Эйвери очень хотела однажды почувствовать, что это место действительно её.

Она выбрала колледж вдали от прежней жизни, заполнила документы, собрала вещи и никому не объяснила настоящую причину перевода. Тогда ей казалось, что нескольких штатов будет достаточно, чтобы прошлое потеряло её след.

В первый же день прошлое встретило её в лице Коула Хейза.

— Ты опять ушла куда-то в себя, — заметила Оливия. — Причём физически продолжаешь идти рядом, а вот мыслями явно находишься совсем не здесь.

Эйвери уже открыла рот, чтобы ответить, когда на ступенях главного корпуса появилась шумная компания парней в одинаковых университетских куртках. Студенты невольно давали им дорогу. Коул шёл в центре, слушая высокого темнокожего парня рядом, но поднял голову именно в тот момент, когда Эйвери подошла ближе.

Он нашёл её взгляд сразу.

Ни улыбки, ни приветствия. Лишь короткая пауза, за которую окружающий шум почему-то отодвинулся куда-то на второй план.

Эйвери отвернулась первой.

— Очень убедительное доказательство того, что ты о нём совсем не думаешь, — тихо сказала Оливия.

— Если дорожишь нашим знакомством, не продолжай.

Телефон в кармане завибрировал почти сразу.

Коул: «В четыре. Старый спортивный зал».

Ни приветствия, ни вопроса. Типично.

Эйвери: «Нет».

Ответ пришёл мгновенно.

Коул: «Это не приглашение».

Эйвери усмехнулась и набрала:

Эйвери: «Тогда приходи один».

Коул: «Я и собирался».

Она убрала телефон.

Оливия скользнула взглядом по её лицу и усмехнулась:

— Судя по выражению твоего лица, доставка еды в этом колледже удивительно властная.

— А ты удивительно бесстыже читаешь через чужое плечо.

— Я предпочитаю слово «наблюдательная».

Эйвери только покачала головой. Спорить было бессмысленно.

На лекции Эйвери села у окна и открыла ноутбук. Преподаватель говорил о структуре медиатекста, точке зрения и о том, как одна история меняется в зависимости от того, кто её рассказывает.

Ирония была почти оскорбительной.

Как выглядела бы прошлая ночь в версии Коула? Эйвери стала бы девушкой, которая первой потянулась к нему? Трусихой, не способной рассказать правду? Или всё той же девочкой из соседнего дома, когда-то пообещавшей ему никогда не исчезать без объяснений?

Она слишком сильно нажала на клавишу и оставила на экране целую строку одинаковых букв.

— Мисс Морган, — окликнул преподаватель. — Как вы считаете, молчание может быть частью повествования?

Эйвери подняла голову, ощущая на себе взгляды нескольких студентов.

— Иногда оно говорит больше слов. А иногда просто позволяет другим придумать собственную версию правды.

Ответ его устроил. Он вернулся к лекции, а Оливия через проход посмотрела на Эйвери с плохо скрытой настороженностью.

В правом верхнем углу экрана загорелось новое уведомление. Письмо пришло на университетскую почту без темы. Вместо нормального адреса отправителя — бессмысленная последовательность символов.

Неизвестный отправитель: «Новое место тебя не изменит».

Эйвери захлопнула ноутбук.

Сердце ударило так сильно, что на мгновение стало трудно вдохнуть.

Оливия наклонилась ближе.

— Всё хорошо?

— Да, просто показалось.

Ложь прозвучала слишком привычно.

Эйвери снова подняла крышку ноутбука. Письма уже не было — ни во входящих, ни в корзине, ни в спаме. Она проверила историю уведомлений, обновила страницу, попробовала поиск. Ничего. Слово существовало только несколько секунд и предназначалось исключительно для того, чтобы она успела его прочитать.

До конца пары слова преподавателя проходили мимо.

Без десяти четыре Эйвери стояла перед старым спортивным залом и злилась на себя за то, что всё-таки пришла.

Здание почти не использовалось после открытия нового комплекса. В коридорах пахло пылью, деревом и старой резиной; пустой зал за двойными дверями тонул в сероватом свете высоких окон.

Коул ждал на нижнем ряду трибун.

— Ты опоздала на две минуты. Я уже почти решил подготовить официальную жалобу.

— Обязательно сделай три экземпляра. Один оставь себе на память.

Вот теперь он был похож на привычного Коула.

Эйвери остановилась в нескольких шагах.

— Я пришла. Теперь объясни, зачем понадобилась вся эта таинственность.

Он поднялся, разблокировал телефон и без предисловий протянул ей экран.

— Потому что вчера вечером тебя снимали. И прежде чем ты скажешь, что это не моё дело, просто посмотри.

На видео была улица перед общежитием. Ночная съёмка велась издалека и слегка дрожала: Эйвери выходила из машины, водитель помогал достать сумку, они обменивались несколькими словами. Запись обрывалась, когда она наклонилась к открытому окну попрощаться.

— Где ты это взял?

— Прислали одному из ребят в командный чат. С подписью, что у меня появилась конкуренция. Люди всё ещё помнят, что мы выросли вместе, поэтому решили, что видео почему-то должно заинтересовать именно меня.

— Тогда людям стоит срочно найти себе занятие. А тебе — перестать делать такое лицо, будто ты уже собираешься вычислить автора по отпечаткам пальцев.

Коул забрал телефон, не улыбнувшись.

— Меня сейчас меньше волнует подпись и больше то, что кто-то стоял снаружи и снимал тебя без твоего ведома. Ты знаешь, кто мог это сделать?

— Нет. И если следующим вопросом будет про парня из машины — его зовут Итан. Мы учимся на одном курсе, он просто помог мне с коробками.

— Значит, всё-таки Итан.

— Не радуйся. Я ответила только потому, что это видео касается меня.

Коул не стал спорить. Это было ещё одним признаком того, что он воспринимает запись всерьёз.

— Тогда ответь ещё на один вопрос. Раньше тебе присылали что-нибудь подобное? Сообщения, фотографии, письма — что угодно, что показалось странным.

Перед глазами Эйвери тут же возникла строка из исчезнувшего письма.

Новое место тебя не изменит.

— Нет.

Коул задержал на ней взгляд.

— Ты врёшь. И я не собираюсь устраивать допрос, но если кто-то следит за тобой, это уже не та ситуация, которую можно закрыть словами «не твоё дело».

— А я не собираюсь превращаться в твою очередную героическую миссию. Мне не нужна защита, Коул. Особенно от тебя.

— Я не предлагал изображать телохранителя. Я хочу понять, что происходит, потому что ты явно знаешь больше, чем говоришь.

Эйвери невесело усмехнулась.

— Забавно слышать про правду от человека, который ночью появляется в моей ванной, заявляет, что знает причину моего перевода, а потом уходит, бросив «не сегодня», будто это должно всё объяснить.

На лице Коула промелькнуло что-то слишком личное.

— Значит, всё-таки задело. Ты хотела, чтобы я остался?

В огромном пустом зале вопрос прозвучал почти интимно.

Эйвери почувствовала, как внутри мгновенно поднимается раздражение — слишком удобное по сравнению с растерянностью.

— Не переводи разговор на меня. Я спросила, что означало твоё «не сегодня».

Он подошёл ближе, но остановился прежде, чем расстояние стало давящим.

— Это означало, что я не собирался целовать тебя, пока ты злишься, напугана и пытаешься хотя бы на минуту забыть обо всём остальном. Я слишком хорошо тебя знаю, чтобы перепутать это с тем, чего ты действительно хочешь.

— Я не была напугана. И мне не нравится, когда ты говоришь так, будто понимаешь меня лучше меня самой.

— А мне не нравится, когда ты настолько старательно делаешь вид, будто ничего не чувствуешь, что начинаешь верить собственной версии.

Где-то под потолком гудела старая лампа. С улицы донёсся хлопок автомобильной двери. Коул первым увеличил расстояние между ними.

— Поэтому давай вернёмся к тому, что действительно важно. Расскажи про сообщение, которое пришло раньше.

Эйвери резко подняла глаза.

— Я не говорила, что было сообщение.

— Не говорила. Но когда я показал видео, ты побледнела ещё до того, как спросила, откуда оно. Значит, это не первый странный контакт.

Она несколько мгновений решала, продолжать ли бессмысленно отрицать, а потом сда-лась.

— На лекции пришло письмо. Оно исчезло почти сразу. Там было: «Новое место тебя не изменит».

Насмешка окончательно ушла из его лица.

— Ты успела увидеть адрес или сделать скриншот?

— Нет. Вместо адреса был набор символов, а я не знала, что письмо исчезнет через несколько секунд.

Коул отвернулся, собираясь с мыслями, затем снова посмотрел на неё.

— Если придёт что-то ещё, не удаляй, не отвечай и сразу сохрани. И перешли мне.

— Почему именно тебе?

— Потому что никому другому ты всё равно не расскажешь. Можешь злиться на меня сколько угодно, но хотя бы в этом не притворяйся.

Возражение уже было готово, но Эйвери так и не произнесла его. Он попал слишком точно.

— Я сама разберусь.

— Именно это ты сказала в десять лет, когда полезла на крышу гаража и просидела там до темноты. Прошло много лет, а стратегическое планирование улучшилось не настолько, как тебе кажется.

Эйвери закатила глаза и направилась к дверям.

— Прекрасно. Вот теперь я точно ухожу.

— Эйв.

Она остановилась. Так Коул называл её только в детстве.

— Просто будь осторожна, ладно? Я не пытаюсь тобой командовать.

Эйвери не обернулась.

— У тебя это плохо получается.

— Знаю.

Его голос догнал её в коридоре, и она разозлилась на себя за то, что от этих слов стало чуть спокойнее.

Вечером Оливия ушла на встречу литературного клуба. За окном темнело, по стеклу скользили фары, в коридоре хлопали двери и кто-то смеялся слишком громко. Эйвери несколько раз пыталась читать, включала фильм, снова открывала университетскую почту.

Пусто.

В девять сорок написал Коул.

Коул: «Ты в комнате?»

Эйвери выдержала паузу прежде, чем ответить.

Эйвери: «Нет, улетела в Канаду».

Коул: «Пришли фотографию Канады».

Эйвери: «Представь снег. И перестань проверять, где я».

Коул: «Дверь заперла?»

Она закатила глаза, хотя проверить замок всё-таки встала.

Эйвери: «Да. Можешь выдохнуть».

Коул: «Не могу. Не уходи сегодня никуда одна».

Эйвери: «Очень романтическое пожелание спокойной ночи».

Коул: «Я вообще не желаю тебе спокойных ночей».

Эйвери: «Почему?»

Три точки появлялись и исчезали несколько раз, прежде чем пришёл ответ.

Коул: «Потому что ты мне снишься».

Эйвери смотрела на экран, пока подсветка не погасла. Сердце билось быстрее, чем имело право после одной строчки. Она уже собиралась ответить чем-нибудь достаточно язвительным, чтобы вернуть разговор на привычную территорию, когда телефон снова завибрировал.

Сообщение было не от Коула.

Неизвестный номер прислал фотографию окна её комнаты, снятую с улицы всего несколько минут назад. За стеклом отчётливо виднелся её силуэт с телефоном в руке.

Неизвестный номер: «Ты всё ещё выбираешь не тех людей».

Эйвери медленно подняла глаза к окну. Снаружи — никого. Только тёмное стекло и её собственное отражение.

Она открыла контакт Коула и уже поднесла палец к кнопке вызова, но остановилась. Нет. Она не позволит прошлому снова решать, что ей делать и к кому бежать.

Телефон завибрировал прямо в ладони.

Неизвестный номер: «Не зови его».

Холод прошёл по спине.

Отправитель знал не только, где она находится. Он видел, что она собирается сделать.

И хуже всего было другое: Эйвери никому не говорила, в каком общежитии живёт.

ГЛАВА 3 ПО ЭТУ СТОРОНУ ДВЕРИ

Эйвери перечитала последнее сообщение трижды.

Неизвестный номер: «Не зови его».

Большой палец всё ещё зависал над именем Коула. В тёмном экране отражалась её рука, и от одной мысли, что кто-то снаружи мог видеть не только окно, но и то, что она делает по эту сторону стекла, к горлу подступила тошнота.

Эйвери отшатнулась, задела пяткой ножку стула и больно ударилась. Только резкая боль помогла вдохнуть. Штора на окне снова застряла на стыке карниза; она дёрнула её так сильно, что сверху посыпалась пыль, затем прижала край к стене ладонью, будто несколько слоёв ткани могли остановить человека, который уже знал слишком много.

Хотелось выключить телефон, спрятать его под матрас и дожидаться утра. Днём угрозы обычно выглядели менее убедительно: вокруг были люди, кофе, преподаватели и бесконечные презентации с неработающими ссылками. Но фотография её окна никуда не исчезала.

На этот раз Эйвери сделала снимки экрана. Потом открыла переписку с Коулом и отправила ему всё прежде, чем успела передумать.

Телефон зазвонил почти сразу.

— Эйв. Сначала скажи только главное: ты не у окна и дверь заперта?

От детского сокращения имени внутри болезненно дёрнулось что-то знакомое.

— Я отошла от окна. Дверь заперта. Оливии пока нет — она ещё в клубе.

На другом конце что-то скрипнуло, будто Коул резко отодвинул стул.

— Тогда позвони ей и попроси зайти через главный вход. Я тоже еду, но сначала предупрежу дежурного и службу безопасности. И нет, я не полезу искать кого-то во дворе, если именно этого ты сейчас боишься.

Эйвери прикрыла глаза. Он слишком хорошо угадал.

— Коул, пожалуйста, не делай ничего безумного. Он написал это сразу после того, как я открыла твой контакт. Не мог же он знать, кому я собиралась звонить?

— Не обязательно. После того как я был у тебя вчера, догадаться несложно. Пока не придумывай худший вариант раньше времени. Просто оставайся в комнате и не открывай никому, кроме Оливии, меня или дежурной.

Она снова посмотрела на текст. Ещё минуту назад казалось, будто неизвестный видит даже экран телефона. Версия Коула оставляла хотя бы маленькую щель для менее пугающего объяснения.

— Тогда просто приходи.

— Уже иду. И останусь на линии, пока не буду у тебя.

Они не отключались, пока Коулу не пришлось заговорить с дежурным. Эйвери слушала его шаги, дыхание и далёкие голоса на другом конце линии. Раньше тишина между ними всегда превращалась в соревнование: кто первым не выдержит и скажет что-нибудь колкое. Сейчас молчать с ним оказалось неожиданно легко.

Оливия прибежала раньше. Кардиган был распахнут, шарф зажат под мышкой, а в обеих руках она держала бумажный пакет.

— Не смотри так. Это печенье. Я купила его ещё до твоего звонка, а потом настолько испугалась, что забыла оставить пакет где-нибудь по дороге.

Пакет оказался на столе, а сама Оливия сразу обняла подругу. Без допроса, шуток и попыток убедить её, что ничего страшного не произошло.

Эйвери уткнулась лицом ей в плечо. От Оливии пахло холодным воздухом и ванилью.

— Я чувствую себя идиоткой. Будто должна была раньше понять, что это уже не просто мерзкие сообщения.

— Можешь чувствовать себя как угодно, только не оставайся с этим одна. Покажи, что пришло.

Они сели рядом. Пока Оливия читала, весёлые складки возле её губ исчезли, брови сошлись над тонкой оправой.

— Сегодня было письмо, а теперь фотография и эти сообщения, — сказала Эйвери прежде, чем подруга успела спросить. — И да, раньше тоже случались неприятные вещи. Не сегодня. В другом колледже. Я пока не готова рассказывать всё.

Оливия задержала на ней взгляд, но давить не стала.

— Хорошо. Значит, сейчас разбираемся только с тем, что произошло сегодня. Остальное расскажешь тогда, когда сама решишь.

В дверь постучали: два удара, пауза, ещё один.

Эйвери узнала ритм раньше, чем услышала голос.

— Эйв, это я. И я не один.

* * *

Когда Эйвери было девять, Коул постучал точно так же в стенку её убежища под лестницей.

Убежище состояло из двух старых одеял, перевёрнутого ящика и таблички «НЕ ВХОДИТЬ», которую никто в семье не уважал. За окном пахло свежей краской — отец весь июнь собирался перекрасить перила и выбрал для этого именно тот день, когда Эйвери хотелось исчезнуть.

Она сидела на полу в мокрых носках. Велосипед валялся у гаража с перекошенной корзиной, на правом колене запекалась кровь.

— Морган, я знаю, что ты там. Если не откроешь, заберу твой фонарик и объявлю его своей законной добычей.

Одеяло тут же отлетело в сторону.

Двенадцатилетний Коул присел у входа. Из заднего кармана шорт торчал пакет с замороженным горошком, в руке была коробка пластырей.

— Мама велела приложить это к колену. Можешь, конечно, продолжать спорить, но тогда овощи достанутся твоей голове — вдруг помогут сразу от двух проблем.

— Я не буду прикладывать к себе горошек только потому, что ты решил изображать врача.

Эйвери уже собиралась вернуть одеяло на место, когда он внимательнее посмотрел на её лицо.

— Ладно. Про горошек забудем. Лучше скажи, кто смеялся. Тревор?

— Никто. И я не просила устраивать расследование.

Коул перевёл взгляд на мокрые носки, разбитое колено и лежащий за окном велосипед. Больше он не спрашивал. Просто сел снаружи, спиной к стене, и просунул под одеяло пластырь с ракетой.

— Там есть обычные, — буркнула Эйвери.

— Эти лучше. Ракеты очевидно ускоряют заживление. Наука пока просто не успела это доказать.

Она фыркнула, но через несколько минут всё-таки забрала и пластырь, и замороженный горошек. Коул остался на другой стороне импровизированной стены и рассказывал, как соседская собака стащила с мангала три сосиски. Он не спрашивал, плакала ли она, и не пытался вытащить её наружу.

Когда мама позвала их обедать, Коул встал и протянул руку.

— В следующий раз просто позови меня. Не для того, чтобы я смеялся. Чтобы тебе не приходилось сидеть здесь одной.

Эйвери посмотрела на его ладонь и всё-таки вложила в неё свою.

* * *

Эйвери открыла дверь.

Коул стоял в коридоре в серой толстовке поверх футболки. Ветер растрепал волосы, на плече темнело пятно мелкого дождя. Под ярким потолочным светом особенно отчётливо были видны маленькая родинка на правой скуле и тёмные круги под глазами — раньше она их почти не замечала.

Она привыкла видеть его издали, над головами студентов, рядом с командой, в постоянном движении. Вблизи обнаруживались детали, которые не вписывались в образ университетской звезды: обветренные губы, тонкая царапина на костяшке большого пальца, усталость во взгляде.

Он тоже внимательно осмотрел её лицо, но не стал комментировать.

Рядом с Коулом стояли дежурная по этажу в домашних тапочках и мужчина из службы безопасности кампуса. Ещё один парень ждал у лестницы.

— Я привёл тех, кто действительно может проверить камеры и двор. Можно войти?

Эйвери посмотрела на него. Он выдержал паузу.

— Теперь спрашиваешь?

— После вчерашнего решил освоить новую полезную привычку.

Она отступила, пропуская их.

Сотрудник безопасности представился Миллером. Спокойный голос и отсутствие пустых обещаний сразу отличали его от людей, которые пытались утешать любой ценой. Он не говорил, что отправителя найдут к утру, и не списывал сообщения на «чью-то шутку». Попросил показать скриншоты, уточнил время, спросил, не замечала ли Эйвери кого-нибудь возле двери или окна.

Отвечать оказалось легче, чем она ожидала. Вопрос — конкретный ответ. Никакой необходимости объяснять всю предыдущую жизнь.

— Мисс Морган, мне важно понять одну вещь, — сказал Миллер после нескольких уточнений. — Есть ли человек, которого вы хотя бы теоретически можете связать с этими сообщениями? Даже если доказательств пока нет.

Эйвери почувствовала взгляд Коула. Он стоял у шкафа и молчал.

— Я не уверена. В другом колледже мне уже присылали неприятные вещи, но я не знаю, имеет ли это отношение к сегодняшнему.

Миллер записал ответ, не изменившись в лице.

— Тогда, если старая переписка сохранилась, принесите её. Сегодня я зарегистрирую обращение, передам фотографию патрулю и проверю, попадает ли эта сторона здания в обзор камер. Пока не отвечайте отправителю и сохраняйте всё, что приходит.

Он продиктовал служебный адрес, и Эйвери сама переслала туда материалы.

Когда дежурная предложила временно переселиться в свободную комнату на противоположной стороне этажа, Оливия ответила раньше подруги:

— Мы переберёмся обе. Семинар утром переживёт две сонные студентки, зато Эйвери не будет здесь одна.

Парень у лестницы вошёл уже под конец разговора. Высокий, сухой, широкоплечий, в чёрной куртке с закатанными рукавами. Из-под манжеты на предплечье выходили линии татуировки; в ухе блестело небольшое серебряное кольцо.

— Во дворе уже патруль, а машину я переставил к главному входу, — сообщил он Коулу, после чего перевёл взгляд на Эйвери. — Дэмиан Блейк. Мы с Хейзом живём вместе и иногда даже умудряемся не раздражать друг друга.

— Эйвери. Хотя, судя по всему, это ты уже знаешь.

— Только потому, что слышал, как ты представилась дежурной. Не хочу, чтобы в первый вечер знакомства меня записали ещё и в стalkerы.

Коул бросил на него предупреждающий взгляд, а Дэмиан примирительно поднял ладонь.

Оливия тем временем пыталась одновременно засунуть зарядку в сумку и застегнуть молнию. Провод зацепился за спинку стула. Она потянула сильнее; Дэмиан молча освободил его.

— Я почти справилась сама, — заметила она.

— Видел. Стул уже был готов капитулировать. Дэмиан, кстати.

— Оливия Брукс. Спасибо за спасение мебели. Постараюсь больше не подвергать её опасности.

Когда она показала на дорожную сумку наверху шкафа, Дэмиан просто снял её и поставил рядом. Без демонстративного галантного жеста и ожидания благодарности.

Через двадцать минут вещи были перенесены. В другой комнате стояли две узкие кровати, пахло чистящим средством, а на подоконнике лежал забытый кем-то карандаш. Главное — окно выходило во внутренний двор, залитый светом фонарей.

Оливия отправилась за водой. Дэмиан пошёл вместе с ней, прихватив пустой пакет из-под печенья.

Коул остался у двери.

Эйвери сидела на краю кровати и крутила на пальцах резинку для волос. Пока вокруг были чужие вопросы и суета, страх отступал. Теперь он вернулся в виде тяжёлой усталости: в напряжённых плечах, сведённой челюсти, слишком неподвижных пальцах.

— Не смотри на меня так, будто ждёшь, что я сейчас сломаюсь. Я просто устала.

Коул опустил взгляд на её рюкзак у своих ног.

— Я смотрю, потому что ты уже минут десять молчишь. Для тебя это почти медицинский симптом, но я не собираюсь решать за тебя, что ты чувствуешь.

Он едва улыбнулся, и Эйвери неожиданно оценила попытку не превращать беспокойство в давление.

Она натянула резинку на запястье.

— Тогда ответь на то, о чём я спрашивала вчера. Ты сказал, что знаешь, почему я переехала. Что именно тебе было известно?

Коул потёр большим пальцем царапину на костяшке. Только сейчас она поняла, что этот жест появляется, когда ему нужно несколько дополнительных секунд.

— У видео возле общежития была подпись. Но ещё раньше мне переслали скриншот из другого чата. Там обсуждали девушку, которая якобы устроила скандал и сбежала из колледжа. Было твоё имя. Я решил, что это связано с переводом, но не поверил всему, что там написано.

Эйвери медленно кивнула.

— То есть ты ничего не знал. Просто пришёл ко мне, заявил обратное и надеялся, что я сама всё расскажу.

— Да. Я разозлился из-за видео, того парня и из-за мысли, что ты снова переживаешь что-то одна. Увидел, что тебе страшно, и всё равно продолжил давить. Это было паршиво. И в ванную я входить не должен был. Оправдывать это не собираюсь.

Эйвери ждала привычного «но ты тоже», встречного обвинения, чего угодно, что вернуло бы их в удобную систему взаимных претензий.

Ничего не последовало.

— Не должен был, — повторила она тише.

— Больше не буду. И скриншот покажу, когда скажешь. Вместе с именем того, кто его прислал.

— Завтра. Сегодня мне хватит чужих сообщений.

— Хорошо.

Странно, но от простого согласия у Эйвери защипало глаза. Не от нежности. Скорее от злости на себя за то, насколько непривычно было спокойно поставить условие и получить в ответ не спор, а уважение.

Он заметил её реакцию и чуть подался вперёд, но остановился.

— Можешь сесть. Ты всё равно выглядишь так, будто собираешься караулить дверь до утра.

Коул устроился на стуле напротив, вытянув ноги так, чтобы не задеть её рюкзак.

— Я не знаю, один ли это человек, — призналась Эйвери. — Тот, кто писал раньше, и тот, кто снял окно. Может, кто-то просто подхватил старую историю. Наверное, неопределённость и пугает больше всего.

— Тогда расскажи только то, что сама считаешь нужным. Что было в той истории? И если сейчас не хочешь — я переживу отсутствие ответа.

Эйвери посмотрела на него почти с подозрением.

— Кажется, я впервые слышу от тебя фразу «можешь не отвечать».

— Пользуйся редким моментом, пока я не испортил впечатление.

Вот он — знакомый Коул, только теперь в его голосе появилась осторожность, которой раньше между ними почти не было.

— Там тоже было видео. В прежнем колледже. Только то, что происходило до записи, никто не снял.

Коул застыл, но не спросил ничего больше.

Эйвери не была готова продолжать. Однако даже эта фраза стала больше, чем она намеревалась когда-либо сказать человеку, которому неделю назад не доверила бы собственное расписание.

— Я хочу сама решить, что делать с этим дальше. Никаких звонков кому-нибудь за моей спиной, никаких попыток выяснить всё через друзей или команду.

— Хорошо. Ты решаешь, когда и сколько рассказывать. Я могу помогать, но не буду делать это вместо тебя.

Она прищурилась.

— Два разумных ответа подряд. Ты точно Коул Хейз?

— Не увлекайся. За третий придётся платить.

Эйвери рассмеялась — неровно, почти беззвучно, но искренне. Коул улыбнулся в ответ без привычного вызова.

В детстве ей казалось, что его глаза чёрные. Под жёлтым светом настольной лампы теперь был виден тёплый тёмно-коричневый оттенок. Остальное изменилось сильнее: резче стала линия челюсти, шире плечи, ниже голос. И всё же в этой улыбке она вдруг узнала мальчишку, который принёс ей замороженный горошек и остался за одеялом, потому что она не хотела никого видеть.

— Что ты так смотришь? — спросил Коул.

— Вспомнила кое-что. И заметила, что у тебя на рукаве белая нитка.

Она машинально потянулась убрать её и только после прикосновения поняла, что это часть шва. Пальцы задержались на ткани чуть дольше, чем было нужно.

Коул посмотрел на её руку.

— Я помню твой стук, — сказала Эйвери, чтобы не думать о том, насколько близко они снова оказались. — И то, как ты сидел под дверью, даже когда я не хотела открывать.

— Ты слишком громко разговаривала сама с собой. Уйти означало пропустить половину сюжета.

Она толкнула его в плечо. Коул поймал её ладонь легко, почти машинально, и тут же ослабил пальцы, оставляя возможность отстраниться.

Эйвери не отстранилась.

Его ладонь была тёплой. Большой палец лежал возле резинки на её запястье, но Коул не притягивал её ближе. Именно от этой неподвижности смотреть ему в глаза стало сложнее.

Из коридора донёсся голос Оливии:

— В автомате нет воды, зато есть семь разновидностей энергетика. Если нас убьёт не недосып, это сделает университетская забота о студентах.

Эйвери высвободила руку. Коул откинулся на спинку стула, и к моменту, когда открылась дверь, на его лице почти вернулось обычное выражение.

Почти.

* * *

Утром Оливия проснулась от собственного будильника, объявила его личным врагом и уронила телефон между кроватью и стеной.

Эйвери наблюдала за спасательной операцией из-под одеяла. Спала она урывками, но хотя бы спала. Новых сообщений за ночь не пришло. Миллер оставил номер обращения, а к девяти ей нужно было занести в службу безопасности старую переписку, которая сохранилась.

Телефон наконец появился из щели, покрытый пылью.

— После такой ночи мне положено хотя бы что-нибудь красивое, — заявила Оливия. — Желательно завтрак и отсутствие неприятностей. В любом порядке.

— У нас осталось печенье. Считай, вселенная уже пошла навстречу.

Эйвери пошла умываться. В небольшом зеркале над раковиной отразилось бледное после бессонной ночи лицо. Правый глаз казался почти серебристым, левый — приглушённо-зелёным. Обычно гетерохромия раздражала её только на фотографиях; сегодня почему-то вспомнился Коул, который в детстве уверял, будто глаза ей выдали из разных наборов.

Она привела себя в порядок, надела чистую футболку, джинсы и кеды. Простая одежда для обычного дня, который она всё-таки собиралась прожить.

У главного входа их ждали Коул и Дэмиан.

— Вы здесь ночевали? — спросила Оливия, переводя взгляд с одного на другого.

— Нет. Просто Хейз с утра трижды проверил время, и я решил, что дешевле привезти его сюда, чем покупать новые часы, — ответил Дэмиан.

Коул проигнорировал его и протянул Эйвери бумажный стаканчик.

— Кофе без сахара. Я помню, что раньше ты пила с двумя ложками, но решил рискнуть и признать, что люди иногда меняются.

— А раньше я ела сахар прямо из сахарницы. Хорошо, что ты не решил ориентироваться на это воспоминание.

Дэмиан передал второй стакан Оливии.

— Этот с молоком. И прежде чем начнёшь спорить, он не лишний. Я купил его для тебя.

Оливия заметила имя на крышке, повернула стакан надписью к ладони и на удивление спокойно сказала:

— Тогда спасибо. Буду считать это компенсацией за вчерашнее спасение стула.

Они прошли всего несколько шагов, когда с дорожки возле парковки раздалось:

— Коул!

К ним приближалась девушка в светлом тренче, придерживая ремень сумки. Гладкие каштановые волосы были убраны за уши, у горла лежала маленькая золотая подвеска. Даже после дождя её белые кроссовки выглядели безупречно.

Она остановилась возле Коула так естественно, словно место рядом с ним принадлежало ей по праву.

— Ты вчера так и не ответил насчёт пятницы. Я уже решила, что капитан собирается исчезнуть сразу после игры.

— Был занят, Ванесса. Напишу позже.

— Ты всегда так говоришь.

Только после этого Ванесса обратила внимание на Эйвери. Улыбка стала чуть более изучающей.

— Мы, кажется, не знакомы. Ванесса Рид. А ты, должно быть, Эйвери — та самая девочка из соседнего дома, о которой Коул рассказывал.

Коул заметно напрягся, но Эйвери опередила его:

— Эйвери Морган. Надеюсь, рассказы были хотя бы наполовину приличными.

— Смотря что считать приличным. В пятницу после игры мы собираемся у меня, ничего большого. Приходи тоже. Новеньким полезно знакомиться с людьми, а Оливия знает адрес.

Оливия ответила настолько вежливой улыбкой, что Эйвери сразу захотелось выяснить, какая история скрывается за этим тоном.

— Я подумаю, — сказала она.

Ванесса быстрым привычным движением поправила край капюшона Коула. Он сделал полшага назад, высвобождая ткань, но Эйвери уже рассматривала крышку собственного стакана.

Когда девушка ушла, Коул кивнул в сторону административного корпуса.

— Служба безопасности там. Пойдём, когда будешь готова.

— Я знаю дорогу. Но можешь составить компанию, раз уж принёс кофе как взятку.

Он ничего не стал объяснять. И правильно: с чего бы? Эйвери сама неоднократно подчёркивала, что их личная жизнь не касается друг друга.

Очень неудачное правило, как выяснилось.

На развилке Оливия остановилась.

— Я возьму для тебя материалы с первой пары. Напиши, когда закончите. И не геройствуй только потому, что рядом теперь профессиональный капитан.

— Постараюсь пережить утро без подвигов. Спасибо.

Оливия сжала её плечо и направилась к учебному корпусу. Дэмиану было по пути. Он шёл рядом, слушая, как она что-то рассказывает и жестикулирует свободной рукой, не пытаясь навязчиво помочь с сумкой. В этот момент Оливия снова выглядела собой, и Эйвери стало спокойнее.

Она повернулась к Коулу.

— Теперь покажи скриншот.

Он без вопросов достал телефон.

Эйвери прочитала подпись: собственное имя, название прежнего колледжа, несколько слов о «скандале». Всё было знакомо, но от этого не становилось менее мерзко. Чужая версия событий по-прежнему умела ранить, даже когда она давно знала каждое обвинение наизусть.

— Его прислал парень с летнего сбора, — сказал Коул. — Я спрошу, откуда это у него, но только при тебе. Сначала покажу сообщение, потом отправлю.

Он набрал вопрос и развернул экран, позволяя ей самой прочитать текст.

Мелочь. Но Эйвери заметила.

У дверей службы безопасности Коул остановился.

— Я могу подождать снаружи. Решать тебе.

Она посмотрела на табличку, затем на него. Если Коул войдёт, он услышит часть того, что она так старательно скрывала. Некоторые слова невозможно забрать обратно после того, как произнесёшь их вслух.

Эйвери всё ещё боялась — сообщений, чужих интерпретаций, его реакции, если правда станет слишком большой. Но идти туда одной она больше не хотела.

— Нет. Пойдём со мной.

Коул открыл дверь и придержал её.

На этот раз место рядом с собой Эйвери оставила ему сама.

ГЛАВА 4

СБИТЫЙ РИТМ

Коул

Коул терпеть не мог кабинеты, где всё было слишком тихо. В таких местах каждый шорох звучал как признание. Щелчок ручки. Шуршание бумаги. Неровный вдох человека, сидящего рядом.

Эйвери сидела справа от него, положив телефон экраном вниз на колено. Спина прямая, подбородок чуть поднят, пальцы сцеплены так крепко, что побелели костяшки. Любой другой решил бы, что она спокойна.

Коул слишком хорошо её знал.

Миллер пролистал распечатанные снимки экрана и поднял глаза.

— Прежде чем мы продолжим, мне нужно ваше прямое согласие. Мистер Хейз может остаться во время разговора или подождать снаружи — выбор только за вами.

Коул не повернул головы. Не хотел, чтобы Эйвери увидела, как сильно он ждёт ответа.

— Пусть остаётся.

Одно короткое решение. Глупо, но напряжение в его плечах немного ослабло.

Миллер кивнул и вернулся к материалам.

— Тогда начнём с сообщений из предыдущего колледжа. Вы сказали, что сохранили часть переписки. Мне нужно понять объём: несколько отдельных сообщений или систематические контакты?

Эйвери разблокировала телефон.

— Переписки как таковой нет. Я почти не отвечала. Но скриншотов много — достаточно, чтобы я перестала считать это случайностью ещё тогда.

Она произнесла это ровно. Слишком ровно.

Коул посмотрел на её профиль. На маленькую складку между бровями. На то, как большой палец завис над экраном, прежде чем открыть папку в облачном хранилище. Название папки он увидеть не успел. Зато увидел дату.

Восемь месяцев назад.

Эйвери пролистала несколько файлов и передала телефон Миллеру. Коул отвернулся к окну. Он обещал не лезть. По крайней мере без разрешения.

За стеклом студенты пересекали мокрую дорожку между корпусами, кто-то бежал, прикрывая голову папкой. Обычное утро. Обычный кампус.

Только Эйвери рядом с ним сидела так, будто снова оказалась там, откуда пыталась уехать.

— Здесь не просто оскорбления, — сказал Миллер после паузы. — Есть прямые угрозы и несколько упоминаний видео. Сам файл у вас сохранился или осталась только ссылка?

Эйвери медленно вдохнула.

— Только ссылка. Она больше не работает. Видео было выложено без контекста, и именно это стало основной частью всей истории.

Коул сжал челюсть. Он знал про видео только одно: запись начиналась слишком поздно. Всё, что происходило до неё, никто не снял.

И почему-то именно эта фраза не выходила у него из головы со вчерашней ночи.

Миллер не менял тона.

— Мне также понадобятся имена людей, которые были рядом в тот вечер, особенно если кто-то из них теоретически может находиться здесь или поддерживать связь с вами сейчас. Не обязательно перечислять их в эту минуту, но без этого круг проверить будет трудно.

Пальцы Эйвери сжались сильнее.

— Я могу назвать людей. Просто не сейчас. Мне нужно сначала понять, кого я готова втянуть в это снова.

— Хорошо. Запишем это как вопрос, к которому вернёмся позже.

Миллер не стал давить. Коул был ему за это почти благодарен.

Почти.

Потому что другая часть его хотела знать всё. Имена. Время. Место. Человека, из-за которого Эйвери вздрагивала от уведомлений и проверяла тёмные окна. Он ненавидел неизвестность.

Ещё сильнее он ненавидел то, что не имел права требовать от неё ответов.

— Теперь о нынешнем кампусе, — продолжил Миллер. — Сообщения пришли на личный номер и университетскую почту. Номер мог быть подменён. Исчезнувшее письмо сложнее, но администратор системы проверит журналы: даже если оно пропало из вашего ящика, след отправки мог сохраниться.

Эйвери кивнула.

Миллер повернулся к Коулу.

— А у вас тот скриншот, о котором говорила мисс Морган?

— Есть. И есть новый ответ от человека, который мне его переслал. Я ещё не открывал сообщение без Эйвери.

Коул положил телефон на стол экраном к ней и только потом нажал уведомление.

Знакомый Коула: «Мне это переслал знакомый. Говорит, скрин гулял в старом студенческом паблике. Скину ссылку, если найду».

Ниже было ещё одно.

Знакомый Коула: «Хейз, там грязная история. Не уверен, что тебе надо в это лезть».

Коул почувствовал, как рядом застыла Эйвери.

— Прочитай сама и скажи, что ответить. Я ничего не отправлю без тебя.

Она пробежала глазами текст. В её взгляде мелькнуло то же недоверчивое удивление, которое появлялось каждый раз, когда он действительно выполнял данное слово.

— Спроси, откуда именно был скриншот. И если найдётся ссылка, пусть пришлёт только её, без пересказов и комментариев.

Коул набрал сообщение, показал ей экран и отправил только после её кивка.

Миллер наблюдал за ними молча.

— Такой порядок сейчас самый разумный. Ничего не удаляйте, неизвестным номерам не отвечайте. Новые материалы сразу пересылайте мне.

Коул машинально открыл рот, чтобы сказать «сначала мне», но поймал взгляд Эйвери и вовремя остановился.

— Миллеру. Сразу Миллеру, — поправился он сам. — Видишь? Я действительно обучаемый.

Уголок её рта дрогнул.

— До диплома ещё далеко, но прогресс заметен.

Миллер кашлянул, пряча улыбку.

Коул откинулся на спинку стула. Вот так было лучше. Когда она язвила, он хотя бы узнавал её. Когда молчала, ему хотелось ломать стены.

* * *

На улице дождь почти закончился. Эйвери шла рядом, спрятав руки в карманы куртки. До учебного корпуса оставалось минут пять, но она двигалась медленно, будто совсем не торопилась на пару.

Коул подстроился под её шаг.

— Не надо специально плестись рядом со мной. Я заметила, — сказала она через несколько метров. — Обычно ты ходишь так, будто опаздываешь на собственную коронацию.

— Люди ждут, приходится соответствовать репутации. Но сегодня я могу позволить себе пять минут человеческой скорости.

— Как великодушно.

Несколько метров они прошли молча. Возле библиотеки Эйвери остановилась.

— Ты видел что-нибудь в тех старых скриншотах? Не делай вид, что совсем не заметил экран. Я всё равно пойму.

Коул не стал притворяться.

— Несколько слов. «Видео», «лгуныя», что-то про то, что все якобы видели. Я не листал дальше и не читал намеренно.

Её лицо не изменилось. Только взгляд ушёл в сторону.

— Хорошо. Потому что я пока не хочу объяснять содержание каждому, кто увидел пару строк.

Коул сунул руки в карманы толстовки.

— Я и не прошу объяснять. И прежде чем ты скажешь, что у меня «спасательное лицо», предупреждаю: я не собираюсь обещать найти виновного, посадить его в башню и приставить к двери дракона.

Эйвери наконец посмотрела на него.

— Дракон был бы перебором. И дорогим в содержании.

Он усмехнулся, но почти сразу стал серьезнее.

— Я не буду решать за тебя. Это не значит, что мне не хочется вмешаться. Хочется. Очень. Просто с этим желанием я как-нибудь справлюсь сам.

— И что, будешь страдать молча?

— Примерно так. Можешь ценить редкое зрелище.

Уголок её рта дрогнул.

Она снова пошла, а Коул догнал её у ступеней.

— И ещё одно. Если тот парень пришлёт ссылку, я сначала отправлю её тебе. Сам открывать не буду. Я обещал.

На этот раз шутки не последовало. Эйвери смотрела на него несколько секунд.

— Спасибо, Коул.

Он кивнул. Потом она ушла внутрь, а он ещё какое-то время стоял у дверей, наблюдая, как её тёмные волосы исчезают среди студентов.

У него была тренировка через сорок минут.

И впервые за много лет он совершенно не хотел идти.

* * *

— Ещё раз так отдашь передачу, и я начну проверять, не подменили ли нашего капитана, — сказал Дэмиан, когда мяч снова ушёл не туда.

Коул поймал следующую передачу и бросил её обратно через площадку.

— Следи лучше за собой.

— Я как раз слежу. Поэтому и заметил, что ты сегодня играешь как человек, который всю ночь проверял чужие окна и теперь делает вид, будто прекрасно выспался.

Коул повернул голову. Дэмиан сидел на нижнем ряду трибун, вытянув ноги. Он приехал забрать его после тренировки и, судя по довольному выражению лица, уже успел пожалеть об этом весь мир.

— У тебя действительно нет занятий интереснее моего предполагаемого нервного срыва?

— Есть. Но они не настолько зрелищные.

Тренер свистнул, и Коул вернулся в строй. Следующие двадцать минут он заставлял себя думать только об игре. Движение. Темп. Партнёр слева. Свободное пространство. Сигнал тренера.

Обычно этого хватало, чтобы всё остальное исчезло.

Сегодня — нет.

Телефон лежал в раздевалке. Ответ мог прийти в любую секунду. Он опоздал с передачей. Потерял мяч. Выругался.

— Хейз! Голова здесь, а не там, где ты её оставил, — рявкнул тренер. — Если говоришь, что всё нормально, докажи это игрой.

Коул ничего не ответил. Просто доказал.

К концу тренировки футболка прилипла к спине, лёгкие горели, а мысли наконец перестали разлетаться в разные стороны.

Ровно до того момента, пока он не открыл шкафчик.

На экране было новое сообщение. Ссылка. И подпись:

Знакомый Коула: «Нашёл. Пост удалён, но у знакомого остался скрин».

Коул смотрел на уведомление, не открывая.

Дэмиан остановился рядом и сразу понял по его лицу.

— Нашёлось?

— Похоже. Но я обещал Эйвери не смотреть первым, поэтому ссылка останется закрытой, пока я не перешлю её ей.

Дэмиан несколько секунд молча изучал его, затем медленно усмехнулся.

— Ты добровольно дал такое обещание и действительно собираешься его выполнить. Хейз, ты влип куда серьёзнее, чем сам понимаешь.

— Даже не начинай.

— Я и не собирался. Просто совет: привыкай к тому, что ритм у тебя теперь будет сбиваться каждый раз, когда Морган входит в комнату.

Коул толкнул его в плечо, проходя мимо.

Дэмиан рассмеялся.

Самое раздражающее было то, что ответить Коулу оказалось нечего.

* * *

К пятнице новых сообщений Эйвери не получила. По крайней мере тех, о которых рассказала ему. Миллер написал, что на камерах у общежития удалось увидеть человека в тёмной куртке, но лицо закрывал капюшон, а запись с нужного угла оказалась слишком далёкой. Университетский администратор проверял исчезнувшее письмо.

Ссылка из старого паблика всё ещё лежала у Коула непрочитанной. Он переслал её Эйвери в тот же день. Она ответила через три минуты.

Эйвери: «Не открывала».

Коул: «Я тоже».

После паузы пришло:

Эйвери: «Почему?»

Коул долго смотрел на вопрос. Потом набрал:

Коул: «Потому что обещал».

Ответа не было почти час. А потом Эйвери прислала одно слово.

Эйвери: «Знаю».

Почему-то именно оно весь вечер не выходило у него из головы.

В пятницу зал был заполнен задолго до начала матча. Шум трибун отдавался в груди ещё в тоннеле. Музыка гремела из динамиков, кто-то выкрикивал фамилии игроков, тренер в третий раз повторял установку, которую Коул знал наизусть.

Обычно перед игрой он чувствовал себя лучше всего. Всё становилось простым. Есть площадка. Есть команда. Есть счёт. Есть задача.

Никаких старых видео. Никаких неизвестных номеров. Никаких серо-зелёных глаз, которые он видел даже с закрытыми веками.

Коул вышел на разминку.

И сразу нашёл Эйвери на трибуне.

Третий ряд от площадки. Рядом с Оливией.

Эйвери сидела, положив куртку на колени, и что-то говорила подруге. Волосы были распущены, на ней тёмный свитер и джинсы. Ничего особенного. Совершенно обычный человек среди сотен зрителей.

Коул сбился на следующем шаге. Мяч ударился о площадку чуть дальше, чем должен был. Партнёр поймал его и поднял брови. Коул сделал вид, что всё так и задумано.

С трибуны Оливия что-то сказала Эйвери. Та посмотрела вниз.

Прямо на него.

И улыбнулась.

Не широко. Едва заметно.

Но этого хватило.

— Хейз! Ты сегодня с нами или решил играть отдельный матч у себя в голове? — крикнул кто-то из команды.

Коул отвёл взгляд.

— С вами. К сожалению.

Первые минуты матча были худшими за весь сезон. Он опоздал в защите. Дважды неправильно прочитал движение соперника. Один раз отдал передачу туда, где никого уже не было.

Тренер взял тайм-аут раньше обычного.

— Что с тобой? — спросил он, когда Коул подошёл. — И не говори «ничего». Если проблема существует только у тебя в голове, оставь её за линией и вернись в матч.

Коул вытер ладонью лицо.

— Понял.

Не смотреть на трибуны. Простое правило.

Он продержался сорок секунд.

Эйвери сидела всё там же. Теперь не улыбалась. Смотрела внимательно, нахмутив брови, будто пыталась понять, кто украл настоящего Коула Хейза и выпустил вместо него человека без координации.

Это неожиданно разозлило.

В хорошем смысле.

Коул вернулся на площадку. Следующая атака получилась чистой. Потом ещё одна. Ритм наконец вернулся. К перерыву они сравнивали счёт. К последним минутам зал гудел так громко, что команды тренера приходилось читать по губам.

Коул больше не искал Эйвери.

Он просто знал, где она.

Странное ощущение. Как ориентир, который не нужно видеть постоянно, чтобы помнить его место.

Финальный свисток утонул в рёве трибун. Команда выиграла с минимальным преимуществом. Коул пожал руки соперникам, выслушал тренера, пережил удары товарищей по плечам и только после этого позволил себе посмотреть на третий ряд.

Пусто.

Он почувствовал разочарование раньше, чем успел назвать его глупым.

— Капитан.

Голос прозвучал за спиной.

Коул обернулся. Эйвери стояла у прохода к тоннелю.

— Я уже решил, что ты сбежала до финального свистка.

— Хотела убедиться, что после первых десяти минут тебя всё-таки не заменили. Та передача пустому месту была особенно убедительной частью вашей стратегии.

— Значит, всё-таки смотрела внимательно. А говорила, что пришла только ради Оливии.

Эйвери закатила глаза, но не ушла.

— Я пришла не обсуждать твоё самолюбие. Ты сейчас очень занят?

Тон изменился. Коул сразу это услышал.

— Говори.

— Я открыла ссылку. Одна. И прежде чем ты начнёшь — со мной всё в порядке, я уже переслала скриншоты себе.

Всё внутри него мгновенно собралось.

— Мне не нравится, что ты делала это одна, но спорить сейчас не буду. Дай пять минут переодеться. Потом покажешь всё снаружи, где можно спокойно поговорить.

Он хотел добавить: «жди здесь, где много людей».

Не сказал.

Прогресс.

Через четыре минуты Коул вышел из раздевалки в чистой футболке и тёмной толстовке, со спортивной сумкой на плече. Эйвери ждала у стеклянных дверей. На улице уже стемнело. Они вышли к боковой дорожке возле комплекса. Шум из зала остался за стенами и сразу стал глухим.

Эйвери протянула телефон без лишних слов.

На экране был скриншот старого поста. Фотография — размытый кадр из видео. Эйвери в профиль. Её лицо почти невозможно рассмотреть. Под снимком несколько строк текста.

Коул прочитал только первые две.

«Она думает, что может уехать и всё забыть».

Ниже:

«Спросите Эйвери Морган, что произошло до начала записи».

Он перестал читать.

— Пост был в том самом паблике, аккаунт автора удалён, а дата — за два дня до того, как ты забрала документы. Я правильно понял?

Эйвери кивнула.

— Да. Но прочитай последнюю строку. Именно поэтому я пришла сейчас.

Коул снова взял телефон.

Внизу поста была ещё одна фраза.

«Новое место не сделает тебя другим человеком».

Коул почувствовал холод.

Почти те же слова.

То самое письмо, которое пришло ей на лекции:

«Новое место тебя не изменит».

Он поднял глаза. Эйвери уже смотрела на него.

— Либо это один человек, либо тот, кто пишет сейчас, намеренно копирует старый пост. В любом случае связь есть.

— Есть, но для Миллера разница важна. Одно дело — тот же человек. Другое — кто-то, кто видел публикацию и решил использовать её. Нам нужно понимать, что можно доказать, а не только что кажется очевидным.

Мы.

Коул заметил это слово. Не стал комментировать.

— Тогда не гадаем. Отправляем Миллеру всё сейчас и ждём, что он сможет проверить.

Они стояли рядом, пока Эйвери пересылала скриншот. Когда сообщение ушло, её плечи немного опустились.

— Я ненавижу это, — сказала она после долгой паузы. — Не только сообщения. Я всё время думаю, кто знает, кто видел ту запись, кто смотрит на меня и уже придумал, каким человеком я должна быть из-за нескольких минут чужого видео.

Коул не торопился отвечать.

— Я её не видел и не стану смотреть без твоего согласия. Мне достаточно знать, что запись начинается не там, где началась история. Всё остальное ты расскажешь, если когда-нибудь захочешь.

Эйвери замолчала. Ветер сдвинул прядь волос ей на лицо. Она убрала её за ухо.

— Ты правда мне веришь?

Вопрос был тихим. Непохожим на неё.

Коул ответил сразу.

— Да.

— Почему?

Он мог сказать: потому что знаю тебя. Уже говорил. Тогда она не поверила.

Поэтому Коул выбрал другое.

— Потому что видел, как ты врёшь.

Эйвери моргнула, и на секунду в её лице появилось почти возмущённое недоумение.

— Это, пожалуй, самое неромантическое объяснение доверия, которое я слышала.

— Я серьёзно. Когда ты врёшь, смотришь человеку прямо в глаза слишком долго, будто хочешь заставить его отвернуться первым. Сейчас ты ничего мне не доказываешь. Ты просто говоришь.

Она посмотрела на него. На этот раз действительно недолго.

— Ненавижу, что ты замечаешь такие вещи.

— Это взаимно. Ты тоже слишком хорошо замечаешь, когда я смотрю на тебя, даже если делаешь вид, что не замечаешь.

Коул сделал шаг ближе.

Эйвери замерла. Между ними осталось совсем немного воздуха. После матча тело всё ещё гудело от усталости, но сердце почему-то решило, что именно сейчас ему нужно ускориться.

Сбитый ритм.

Снова.

Эйвери опустила взгляд на его рот и тут же подняла обратно.

— Трудно не заметить, Хейз. Ты постоянно на меня смотришь.

— Вот поэтому спорить бессмысленно. Весь кампус видит одну версию меня, а ты знаешь слишком много с восьми лет и ещё умудряешься помнить детали, которые я сам забыл.

— Потому что в восемь лет ты уже был ужасным.

— А я был уверен, что это ты испортила мне детство.

Она тихо рассмеялась.

Коул улыбнулся.

И на несколько секунд всё действительно стало нормальным.

Пока двери комплекса не распахнулись.

— Вот вы где, — сказала Ванесса, спускаясь по ступеням и набрасывая на плечи светлый плащ. — Я уже решила, что капитан после победы снова исчезнет. Через час у меня. Вы оба идёте?

Эйвери только успела вдохнуть, когда из-за дверей донёсся голос Оливии:

— Мы идём. Решение принято чрезвычайно демократично примерно три секунды назад.

Она появилась рядом с Дэмианом.

Эйвери медленно повернулась к подруге.

— Я боюсь спрашивать, чьи именно интересы ты учитывала, принимая это решение за двоих.

Оливия выразительно посмотрела на Коула.

— Все доступные данные.

Дэмиан кашлянул, явно пряча смех.

Ванесса улыбнулась.

— Тогда договорились. Адрес у Оливии. И, Коул, постарайся хотя бы в этот раз не исчезнуть без предупреждения.

Она коснулась его руки. Коул отступил на полшага, будто просто поправлял ремень сумки.

— Посмотрим.

Когда Ванесса ушла, Эйвери посмотрела на него слишком быстро, чтобы это можно было не заметить.

— Не спрашивай, почему мне интересно твоё загадочное «посмотрим». Мне не интересно.

— Конечно. А я, разумеется, поверил.

Она толкнула его ладонью в грудь. Коул поймал её запястье. Всего на секунду. Точно так же, как той ночью в комнате.

Эйвери не отдернула руку сразу.

И Коул снова почувствовал это.

Сбой.

Крошечную паузу между ударами сердца, после которой всё начинало работать быстрее.

Он отпустил её первым.

— Увидимся через час, Морган. Это не приказ, можешь не готовить возражение.

— Очень предусмотрительно, Хейз.

Она ушла вместе с Оливией.

Дэмиан задержался рядом и дождался, пока девушки отойдут достаточно далеко.

— Я ничего не скажу. Даже про тот самый ритм, который у тебя, по чистой случайности, опять сбился ровно в тот момент, когда она подошла.

Коул посмотрел на него.

— Блейк.

— Уже молчу.

Телефон в кармане завибрировал.

Коул достал его, ожидая увидеть сообщение от команды или Ванессы.

Номер был неизвестным.
Внутри — фотография.
Эйвери на трибуне во время матча. Снятая сверху и немного сбоку. Она смотрела вниз, на площадку.
На него.
Под фотографией была одна строка.
Неизвестный номер: «Не делай из себя героя, Хейз. Ты не знаешь, кого защищаешь».
Коул перестал слышать шум вокруг.
Он увеличил снимок. Угол. Высота. Ряд.
Фотограф находился в зале.
Сегодня.
Всего несколько минут назад.
Коул поднял голову к трибунам за стеклянными дверями. Там всё ещё двигались люди.
Смеялись. Спускались по ступеням. Собирали вещи.
Сотни лиц.
И кто-то из них смотрел на Эйвери.
Коул сжал телефон.
На этот раз сообщение пришло не ей.
Ему.

ГЛАВА 5

СРЕДИ ЧУЖИХ ЛИЦ

Эйвери

Эйвери ненавидела вечеринки ещё до того, как неизвестный человек начал присылать ей фотографии издалека. Теперь у неё появилась уважительная причина.

Оливия наблюдала за ней из-за спины уже несколько минут, прежде чем всё-таки не выдержала.

— Если продолжишь смотреть на эту футболку так сосредоточенно, она сама откажется идти. И сразу предупреждаю: я не буду читать тебе лекцию о том, что нужно «жить полной жизнью». Ты всё равно сделаешь по-своему.

Эйвери посмотрела на своё отражение. Чёрная футболка. Тёмные джинсы. Волосы распущены и падают мягкими волнами до плеч. Ничего особенного. Именно так ей и хотелось.

— Я всё ещё могу остаться здесь. И это не обязательно будет капитуляцией перед неизвестным психом.

Оливия застегнула серьгу и пожала плечами.

— Можешь. Но если единственная причина — то, что кто-то решил командовать твоей жизнью через сообщения, меня это разозлит. Остаться потому, что не хочешь идти, — нормально. Остаться потому, что тебя заставили бояться, — совсем другое.

Эйвери опустила взгляд на телефон.

После разговора у спортивного комплекса новых сообщений не было. Миллер подтвердил получение старого поста и написал, что добавит его к материалам. Всё выглядело почти правильно. Официально. Контролируемо.

Только внутри никакого контроля не было.

Перед глазами снова всплыла строка из старой публикации: «Новое место не сделает тебя другим человеком».

Почти те же слова пришли ей на лекции.

Почти.

— Я не из-за него хочу остаться, — сказала она.

Оливия понимающе хмыкнула.

— Разумеется. И я даже не стану спрашивать, имеет ли к твоим сомнениям отношение Коул, потому что ты сама только что выдала его с головой.

Эйвери взяла с кровати подушку и бросила в неё. Оливия поймала её обеими руками.

— Иногда твоя наблюдательность очень раздражает.

— Зато редко подводит.

В дверь постучали. Три коротких удара.

Эйвери замерла раньше, чем успела себя остановить.

Оливия сразу это заметила и встала, но Эйвери покачала головой.

— Я сама.

Она подошла к двери и посмотрела в глазок.

Коул стоял в коридоре рядом с Дэмианом. На нём были тёмные джинсы, чёрная футболка и лёгкая куртка. Дэмиан держал ключи от машины и что-то говорил, пока Коул смотрел прямо на дверь.

Будто знал, что она наблюдает.

Эйвери открыла.

— Вы рано.

— На две минуты, — сообщил Дэмиан. — Хейз считает это личной победой над временем и обстоятельствами.

Коул даже не отреагировал на подкол. Его взгляд быстро прошёлся по лицу Эйвери, затем по комнате за её плечом.

— Мне нужно показать тебе кое-что до того, как мы поедем. На минуту. Я останусь в коридоре.

Оливия перестала улыбаться. Эйвери почувствовала, как что-то тяжёлое опустилось под рёбрами.

Она вышла и прикрыла дверь. Дэмиан без просьбы отошёл к окну в конце этажа, оставив их вдвоём.

Коул достал телефон.

— Это пришло после того, как вы ушли от спортивного комплекса. Я не показал сразу, потому что сначала переслал Миллеру и не хотел заставлять тебя разбираться с этим посреди толпы.

На экране была фотография.

Эйвери узнала себя мгновенно.

Трибуны. Матч. Она сидела между Оливией и каким-то студентом в красной толстовке, которого даже не помнила. Голова чуть наклонена, взгляд направлен вниз, на площадку.

На Коула.

Фотография была сделана сверху и сбоку. Не издалека. Несколько рядов.

Под ней одна строка:

Неизвестный номер: «Не делай из себя героя, Хейз. Ты не знаешь, кого защищаешь».

Эйвери перечитала дважды.

— Сообщение пришло тебе. Другой номер, но фотограф находился в зале рядом с нами. Значит, это уже не человек, который просто знает мой адрес.

— Да. И я не хочу делать вид, что это мелочь. Но есть ещё кое-что: Миллер уже получил снимок и номер, а я не собираюсь решать за тебя, ехать нам на вечеринку или нет.

Эйвери подняла глаза, почти не веря услышанному.

— Ты действительно не собираешься заявить, что мы остаёмся здесь?

— Я могу сказать, что мне не нравится идея толпы после такого сообщения. Могу попросить тебя не уходить одной и не исчезать без предупреждения. Но запирайте тебя в комнате не стану. Ты сама решишь, что тебе сейчас важнее.

Эйвери скрестила руки.

— Кто ты и что сделал с Коулом Хейзом?

На секунду в его глазах мелькнула привычная насмешка.

— Мне самому тяжело наблюдать эту личностную трансформацию.

Она всё-таки улыбнулась. Напряжение не исчезло. Просто стало переносимее.

— Тогда я еду. И ещё одно: не ходи за мной весь вечер так, будто работаешь в личной охране.

— Не буду. По крайней мере постараюсь не делать это очевидно.

— Это всё ещё не обещание.

— Это максимально честная версия обещания, которую ты сегодня получишь.

* * *

Ванесса жила в двухэтажном доме в десяти минутах от кампуса. Формально дом принадлежал её старшей сестре, которая работала в другом штате и приезжала раз в несколько месяцев. Неформально он, судя по количеству людей внутри, принадлежал половине университета.

Музыку было слышно ещё с улицы. У крыльца стояли машины, на ступенях сидели студенты, а из открытой двери вырывался тёплый свет и смех.

Эйвери остановилась у калитки.

Коул, шедший рядом, тоже остановился.

— Если передумала, разворачиваемся без объяснений. Никто не обязан доказывать храбрость на вечеринке.

— Я не передумала. Просто оцениваю вероятность того, что внутри есть пожарный выход.

— Два. И прежде чем ты спросишь: да, я был здесь раньше. Нет, не настолько часто, чтобы это стало темой отдельного допроса.

Эйвери посмотрела на него. Глупая мысль неприятно кольнула сильнее, чем должна была.

— Я ничего не собиралась спрашивать.

— Именно поэтому решил сэкономить нам время.

Перед ними Дэмиан открыл дверь и пропустил Оливию вперёд.

— После вас.

Она сделала маленький реверанс.

— Наконец-то признаки воспитания. Постараюсь запомнить этот редкий момент.

— Не привыкай. Репутация пострадает.

Эйвери прошла следом и сразу пожалела, что не осталась у калитки.

Слишком много людей. Слишком много голосов. Слишком много телефонов в руках.

Она заметила это только теперь.

Раньше телефон на вечеринке был просто телефоном. Сейчас каждый объектив казался направленным чуть ближе, чем нужно.

Коул не коснулся её, но оказался на полшага ближе.

Эйвери почувствовала это сразу.

— Ты обещал не превращаться в живую стену.

— Я ничего не делаю. Просто стою.

— Ты стал шире ровно в ту секунду, когда мы вошли.

— Возможно, я просто особенно хорошо выгляжу после победы.

Она фыркнула.

— Вот теперь хотя бы узнаю тебя.

Ванесса появилась из гостиной почти сразу. На ней были чёрные брюки и бордовый шелковый топ, волосы собраны в гладкий хвост. Она выглядела так, будто даже домашняя вечеринка должна была пройти у неё собеседование.

— Вы всё-таки пришли. Я уже начала подозревать, что капитан снова сбежит после победы.

— Ошибка новичка, — отозвался Коул.

Ванесса коротко обняла Оливию, махнула Дэмиану и только потом повернулась к Эйвери.

— Рада, что ты тоже здесь.

— Пока рано радоваться. Я уже выяснила, что у дома два пожарных выхода, поэтому сохраняю право на эффектное исчезновение.

Ванесса рассмеялась.

— Тогда инструкция простая: напитки на кухне, еда в столовой, наверх лучше не ходить — там комнаты. И если кто-нибудь разобьёт ещё одну вазу, я действительно начну брать залог на входе.

Коул сделал вид, что собирается найти Дэмиана, хотя тот стоял буквально в нескольких метрах. Эйвери проводила его насмешливым взглядом.

— Поиски будут сложными.

— Но я верю в себя.

Он ушёл в сторону кухни.

Ванесса проследила за ним взглядом.

— Он сегодня странный. После игр обычно громче половины команды, а сейчас будто постоянно чего-то ждёт.

Эйвери пожала плечами.

— Наверное, устал.

Ванесса не стала допытываться.

— Ванесса, ты собираешься прятать Дэмиана весь вечер?

Женский голос прозвучал совсем рядом — сладко и недовольно одновременно.

К ним подошла девушка с безупречной укладкой и таким уверенным выражением лица, будто в этом доме ей принадлежало не меньше, чем хозяйке. Она почти не задержала взгляд на Эйвери, скользнула по Оливии — и сразу остановилась на Дэмиане.

— Ильсина, — сказала Ванесса с едва заметным предупреждением в голосе. — Это Эйвери и Оливия.

— Привет, — бросила Ильсина и сразу направилась к Дэмиану.

Она легко взяла его под руку.

— Ты всё-таки пришёл. Я писала тебе и уже решила, что ты намеренно игнорируешь сообщения.

Дэмиан посмотрел сначала на её пальцы на своём предплечье, потом ей в лицо.

— Я видел. И да, отсутствие ответа обычно именно это и означает.

Ильсина улыбнулась так, будто отказ существовал только для людей, которые недостаточно старались.

— Тогда пойдём. Я заняла нам место в гостиной.

Дэмиан спокойно высвободил руку.

— Не сегодня. Я уже обещал кое-кому настольный футбол.

Его взгляд скользнул к Оливии.

Ильсина проследила за ним и впервые посмотрела на неё по-настоящему.

— А-а. Понятно.

Оливия поправила очки.

— Если тебе действительно понятно, объясни и мне. Пока я знаю только то, что он уверяет, будто никогда не проигрывает. Хочу проверить теорию экспериментально.

Дэмиан едва заметно усмехнулся. Ильсина увидела это; её улыбка осталась на месте, но глаза похолодели.

— Ещё увидимся, Оливия.

— Надеюсь, в следующий раз это прозвучит меньше как предупреждение.

Ванесса устало выдохнула, будто подобные сцены давно входили в программу её вечера.

— Не обращайтесь внимания. Ильсина считает, что слово «нет» — это начало переговоров.

— Я всё слышу, — отозвалась та, уже отходя.

— На это и был расчёт.

Оливия тут же потянула Эйвери за руку.

— Пойдём. Я собираюсь документально подтвердить первое поражение Дэмиана Блейка.

— Я всё слышу, — раздалось из кухни.

— Тем лучше. Подготовься морально.

Через пятнадцать минут Эйвери почти удалось расслабиться.

Почти.

Оливия спорила с Дэмианом возле стола, доказывая, что он передвинул фигурку рукой. Дэмиан называл это «тактической корректировкой оборудования». Кто-то из команды Коула смеялся так громко, что перекрывал музыку.

Ильсина уже дважды подходила к Дэмиану за последние десять минут. Сначала предложила принести ему напиток. Потом сообщила, что «все» ждут его в гостиной, хотя никто, кроме неё, кажется, об этом не знал.

В третий раз она просто положила ладонь ему на плечо.

— Дэмиан, ты обещал мне танец. И не делай вид, что забыл.

— Я сказал «посмотрим». Это не обещание, если только очень сильно не хочется услышать именно его.

Оливия с такой силой отправила мяч по столу, что тот ударился о бортик.

Дэмиан посмотрел на неё.

— Агрессивная стратегия.

— Нет. Тактическая корректировка оборудования. Кажется, именно так здесь называется жульничество.

Ильсина перевела взгляд с него на Оливию и поджала губы.

Эйвери решила, что между этими троими ей совершенно точно не стоит становиться.

Она стояла у кухонной стойки со стаканом газировки и впервые за весь вечер не смотрела на вход.

— Морган?

Эйвери обернулась.

Итан улыбнулся ей, протискиваясь между двумя студентами.

— Я думал, ты избегаешь людей после пары.

— Только преподавателей. До одноклассников санкции пока не дошли.

Он был в светлой рубашке с закатанными рукавами и выглядел так же спокойно, как в тот вечер, когда помогал ей таскать коробки.

Никаких загадок. Никаких взглядов, которые она помнила с восьми лет.

Просто Итан.

Это должно было успокаивать.

— Как устроилась? Общежитие ещё не выгнало за плохой характер?

— Пока терпит. Видимо, администрация не получила все отзывы.

Он рассмеялся и коснулся её локтя, когда мимо протиснулся парень с тарелкой.

Обычный жест.

Эйвери даже не подумала бы о нём, если бы в этот момент не увидела Коула.

Он стоял у дверного проёма, разговаривая с кем-то из команды, и смотрел прямо на руку Итана.

Эйвери медленно подняла бровь.

Коул перевёл взгляд на её лицо.

Она едва заметно улыбнулась.

Его челюсть напряглась.

Вот теперь вечер становился интереснее.

— Ты с ним знакома? — спросил Итан, проследив направление её взгляда.

— К сожалению, с детства. И не произноси «Коул Хейз» таким восхищённым тоном, иначе он почувствует это через комнату.

Итан рассмеялся.

Коул снова отвернулся к своему собеседнику.

И не подошёл.

Эйвери неожиданно стало стыдно. Ещё неделю назад она бы специально продолжила разговор только ради того, чтобы вывести его из себя. Сейчас это почему-то показалось дешёвым.

— Я пойду найду Оливию. Увидимся на паре, если переживём выходные.

Она отошла.

Коул появился рядом через несколько секунд, однако не сделал вид, будто встреча случайна.

— Прежде чем скажешь: да, я видел Итана. Нет, я не собираюсь устраивать сцену. И да, я всё ещё считаю подозрительно частым его появление рядом с тобой.

Эйвери рассмеялась.

— Это называется социальная жизнь. Тебе стоит однажды попробовать без команды и фан-клуба.

— Звучит рискованно.

Через секунду Коул снова оглядел комнату. Эйвери заметила.

— Вот об этом я и говорила. Ты следишь не только за Итаном — ты проверяешь каждого, кто ко мне подходит.

Его взгляд вернулся к ней.

— Я стараюсь этого не делать. Получается хуже, чем обещал. Но я хотя бы не вмешиваюсь.

— Уже достижение.

Эйвери покачала головой и направилась к задней двери.

— Мне нужен воздух. И нет, идти следом не обязательно.

Коул остался на месте.

Она заметила это ещё до того, как успела решить, рада ли.

На заднем крыльце было прохладно. Музыка за дверью превратилась в глухой ритм, из сада тянуло влажной землёй. По деревянным перилам блестели капли после дневного дождя.

Эйвери обхватила себя руками.

Дверь открылась через минуту.

— Если скажешь, что случайно искал холодильник, я столкну тебя с крыльца.

Коул вышел и закрыл дверь.

— Не скажу. Ванесса сообщила, что ты здесь. Я пришёл спросить, хочешь ли ты побыть одна. Если да — развернись прямо сейчас.

Он остановился у противоположного края перил, оставив между ними расстояние.

Эйвери перевела на него взгляд.

Раньше он бы не спросил. Раньше вообще редко оставлял ей пространство, если считал себя правым.

— Останься.

Коул молча согласился.

Несколько секунд они слушали шум внутри.

— Я не хочу, чтобы ты весь вечер пытался вычислить человека с телефоном, — сказала Эйвери наконец. — Почти у каждого здесь телефон. Если смотреть на всех как на подозреваемых, мы сойдём с ума раньше Миллера.

— Я знаю. И стараюсь перестать. Просто проблема в том, что я смотрю не столько на тебя, сколько на тех, кто смотрит на тебя.

Шутка, уже готовая сорваться с языка, исчезла.

Эйвери отвернулась к саду.

— От этого почему-то не легче.

— Мне тоже.

— Ты всегда можешь просто уйти, Коул. Вернуться к команде, к Ванессе, к нормальной пятнице. Тебя никто не заставляет быть рядом со мной, пока всё это происходит.

Он не ответил сразу.

— Могу уйти. Но не уйду. И не потому, что считаю тебя неспособной справиться самой. Просто не хочу, чтобы ты снова проходила через такое одна.

Эйвери медленно повернулась.

— Вот. Это и был нормальный ответ. Видишь, ты способен говорить человеческими предложениями, когда очень стараешься.

Коул усмехнулся без веселья.

— А ты способна слушать их, если хотя бы на минуту не превращаешь всё в шутку. Получается, оба развиваемся.

Он сделал шаг ближе.

На этот раз никто не был напуган. По крайней мере, не той причиной.

Эйвери заметила родинку на его правой скуле. Прядь, упавшую к виску. То, как его взгляд на секунду опустился к её губам.

Сердце предательски ускорилося.

— Ты опять смотришь.

— Да. И отрицать уже бессмысленно, потому что ты всё равно замечаешь.

— Потому что делаешь это слишком очевидно.

— Могу закрыть глаза, но тогда действительно врежусь во что-нибудь. Не хочу портить вечер травмой капитана.

Она не удержалась от улыбки.

Коул тоже не отвёл взгляд.

Дверь за его спиной распахнулась.

— Я собирался сказать, что не хотел мешать, — произнёс Дэмиан, — но мы оба знаем, что это было бы неправдой. Ванесса ищет тебя. Команда хочет общее фото.

Коул даже не повернулся.

— Они прекрасно переживут фотографию без меня.

Эйвери первой увеличила расстояние.

— Иди. Я сейчас вернусь. Правда.

Он посмотрел на неё дольше, чем нужно, затем кивнул и ушёл вместе с Дэмианом.

Эйвери осталась на крыльце ещё на короткое мгновение.

Холодный воздух больше не помогал.

Телефон в заднем кармане завибрировал.

Она достала его без тревоги.

И сразу перестала дышать.

Неизвестный номер.

Фотография загрузилась первой.

Крыльцо. Она и Коул стояли друг напротив друга. Он чуть наклонился к ней. Эйвери смотрела на него снизу вверх.

Снимок был сделан через стекло.
Сверху.
Из окна второго этажа.
Под фотографией стояло:
Неизвестный номер: «Он всё равно не успеет».
Эйвери медленно подняла голову.
На втором этаже горели три окна. В левом мелькнула тень.
Она рванула дверь на себя.
Внутри музыка ударила по ушам. Кто-то смеялся, кто-то кричал результат игры, в гостиной вспыхнула камера телефона.
Эйвери протискивалась между людьми, не останавливаясь.
Лестница была у стены за столовой. Наверх, как сказала Ванесса, ходить было нельзя.
Сейчас Эйвери было всё равно.
Она поднялась на несколько ступеней.
— Эйвери.
Голос Коула раздался снизу.
Она обернулась.
Он увидел её лицо и перестал улыбаться.
— Покажи, что пришло. Не объясняй, если трудно.
Эйвери молча протянула телефон.
Коул прочитал сообщение на ходу и поднялся к ней.
— Фотография сделана с крыльца снизу вверх или из дома?
— Из окна второго этажа. Левого. Я увидела там тень сразу после сообщения.
К ним подошёл Дэмиан. Через секунду появилась Ванесса.
Коул показал ей экран.
Цвет исчез с лица хозяйки.
— Наверху никого не должно быть. Гостевая в конце коридора закрыта, остальные комнаты тоже.
— Тогда покажи, какая именно, — сказал Коул. — И пока никто не идёт один.
Они поднялись вместе.
На втором этаже музыка звучала глуше. Коридор был почти тёмным, только полосы света из лестничного проёма ложились на пол.
Первая дверь закрыта. Вторая тоже.
Последняя была приоткрыта.
Коул остановился перед ней и посмотрел на Эйвери.
— Я войду первым. Не потому, что хочу тобой командовать. Просто если там кто-то есть, мне нужно понимать, что ты не окажешься между ним и выходом. Останься в коридоре, пожалуйста.
Эйвери задержала на нём взгляд и кивнула.
— Вот «пожалуйста» действительно работает лучше.
Дэмиан толкнул дверь.
Комната была пустой.
Кровать застелена. На кресле лежал сложенный плед. Окно открыто на несколько сантиметров, и белая занавеска двигалась от ветра.
Коул подошёл к нему и посмотрел вниз.
Оттуда прекрасно было видно крыльцо.
— Чёрт, — тихо сказал Дэмиан.
Ванесса стояла у двери, прижав пальцы ко рту.

— Я закрывала окно утром. И дверь тоже, хотя замок иногда заедает. Здесь раньше бывали многие, поэтому о комнате знает половина тех, кто сейчас внизу.

Эйвери вошла внутрь, не отрывая взгляда от окна.

— Значит, списка из трёх подозреваемых у нас не будет.

Коул развернулся к ней.

— Миллеру звоним сейчас. Без самостоятельных поисков по дому.

— Согласна.

Никакого спора.

Это напугало её сильнее, чем собственное согласие.

Она открыла переписку с Миллером, прикрепила снимок и уже собиралась набрать номер, когда телефон снова завибрировал.

Ещё одно сообщение.

На этот раз без фотографии.

Только текст.

Неизвестный номер: «Ты правда думаешь, что всё началось с видео?»

Комната исчезла.

На одну короткую секунду Эйвери снова увидела другой коридор.

Не этот дом.

Другой колледж.

Красный свет таблички EXIT.

Чью-то ладонь на металлической двери.

Свой телефон на полу экраном вниз.

И голос, произносящий её имя так тихо, будто никто больше не должен был слышать.

— Эйв?

Голос Коула вернул её обратно.

Он стоял совсем рядом, но не касался.

— Не нужно придумывать ответ для нас. Просто скажи, знаешь ли ты, о чём речь.

Эйвери посмотрела на сообщение. Потом на него.

В горле стало сухо.

Она знала только одно.

Эти слова не были взяты из старого поста.

Их не мог придумать человек, который видел только видео.

— Я не знаю, — сказала Эйвери.

И впервые за долгое время услышала собственную ложь так отчётливо, как будто её произнёс кто-то другой.

ГЛАВА 6

УЛЫБКИ С ОСТРЫМИ КРАЯМИ

Коул

Коул знал, когда Эйвери врёт.

В детстве у неё дёргалась левая бровь. В четырнадцать она начинала говорить слишком быстро. Сейчас ничего из этого не осталось. Она просто смотрела ему в глаза и произносила:

— Я не знаю.

Спокойно. Почти убедительно.

Если бы он не знал её большую часть жизни, возможно, поверил бы.

Телефон в её руке снова погас. На экране исчезла фраза: «Ты правда думаешь, что всё началось с видео?»

Коул перевёл взгляд на приоткрытое окно. Снизу доносилась музыка, глухая и далёкая. Белая занавеска шевелилась от холодного воздуха. Дэмиан стоял у двери, проверяя коридор, а Ванесса всё ещё выглядела так, будто кто-то только что сообщил ей о пожаре.

— Миллер уже едет, — сказала Эйвери сама, словно заранее отвечала на следующий вопрос. — Он попросил ничего здесь не трогать.

— Хорошо. Тогда больше ничего не делаем до его приезда.

Она коротко посмотрела на него.

Наверное, ждала следующего вопроса. Что это значит? Что было до видео? Почему при словах неизвестного у неё на секунду стало такое лицо, словно она снова оказалась в другом месте?

Коул не спросил.

Не потому, что не хотел.

Потому что прошлой ночью обещал ей не вырывать ответы силой. И собирался хотя бы раз в жизни сдержать обещание с первой попытки.

Дэмиан оттолкнулся от дверного косяка.

— Я спущусь и закрою выходы, пока половина гостей не решила, что приезд службы безопасности — новый формат развлечения.

— Я пойду с тобой, — быстро сказала Ванесса.

Она уже развернулась, когда Эйвери остановила её:

— Подожди. Мне нужно понять только одно: ты уверена, что сегодня никто не должен был быть наверху? Не кто-то конкретный — вообще никто?

Ванесса напряглась.

— Комнаты были закрыты. Я никому не разрешала подниматься.

Эйвери посмотрела на замок. Коул тоже. Язычок двери едва держался в пазу. Чтобы открыть её, не требовалось ни ключа, ни таланта взломщика.

— Но замок заедает, — тихо напомнила Эйвери. — Значит, попасть сюда всё-таки мог любой, кто знал дом.

Ванесса медленно сжала губы.

— Если ты пытаешься спросить, кто из моих гостей мог за тобой следить, я не смогу восстановить каждую минуту вечера. Здесь десятки людей.

Тон изменился. Совсем чуть-чуть. Но Коул заметил.

Эйвери тоже.

— Я не обвиняю тебя. Мне нужна информация, не виноватый наугад.

— Пока не обвиняешь.

Слово упало между ними слишком резко.

Дэмиан бросил Коулу короткий взгляд: не сейчас.

Правильный совет.

Раздражение всё равно поднялось мгновенно.

— Миллер разберётся, — сказал Коул прежде, чем ситуация сорвалась дальше. — Просто не выпускайте никого до его приезда. Всё остальное обсудим без толпы и взаимных подозрений.

Ванесса усмехнулась.

— Конечно, капитан.

И вышла.

Эйвери смотрела ей вслед.

— Она всегда разговаривает так, будто каждую фразу сначала заворачивает в шёлк, а потом вставляет внутрь лезвие?

Дэмиан хмыкнул.

— Очень точное описание.

Коул потёр шею.

— Когда ей не нравится ситуация — да. Но сейчас ситуация не ты, если именно это собираешься спросить. Сейчас проблема — человек, который залез на второй этаж и фотографировал нас.

— Красиво ушёл от ответа.

— Я тренировался много лет.

Она почти улыбнулась.

Почти.

Потом снова посмотрела на телефон.

Коул ненавидел человека по ту сторону этих сообщений сильнее с каждой минутой. Но ещё сильнее ненавидел то, как Эйвери сжималась внутри себя каждый раз, когда приходило новое.

Не физически. Наоборот.

Плечи расправлялись. Подбородок поднимался. Голос становился ровнее.

Она превращалась в броню.

И никто, кроме него, кажется, не замечал, сколько усилий ей это стоило.

* * *

Миллер приехал через двенадцать минут вместе с сотрудницей кампусной безопасности.

За эти двенадцать минут вечеринка умерла.

Музыку выключили. Люди столпились в гостиной, кто-то шептался, кто-то демонстративно проверял телефон. Двери закрыли. Дэмиан стоял у заднего выхода, один из парней команды — у переднего.

Коул остался рядом с Эйвери. Не вплотную. Просто достаточно близко, чтобы она знала: если захочет, ему не придётся звать дважды.

Миллер поднялся наверх, осмотрел комнату, окно и дверную ручку. Потом попросил Ванессу перечислить тех, кто точно бывал в доме раньше.

Список получился длинным.

Очень длинным.

— Здесь сегодня человек сорок, а за последние месяцы бывали ещё десятки, — сказала Ванесса посреди гостиной. — Если вы собираетесь опрашивать всех из-за одной фотографии, это займёт вечность.

— Если понадобится, займёт, — спокойно ответил Миллер. — Речь не об одной фотографии. Человек наблюдал за вашей гостьей из закрытой части дома после серии угроз. Пока мы не установим, кто имел доступ, относиться к этому как к чьей-то шутке я не буду.

Ванесса сжала губы.

— Я не говорила, что это шутка. Просто весь дом теперь выглядит так, будто здесь произошло преступление.

— Мы как раз пытаемся понять, произошло ли оно и кто мог быть причастен.

Из коридора появился Итан. Он выглядел серьёзнее, чем несколько минут назад.

— Мне можно уехать? Машина стоит у соседнего дома.

— Пока нет. Оставьте имя и номер, потом я скажу, когда сможете уйти.

Кто-то недовольно застонал.

И тогда из кухни раздался голос Ильсины:

— Великолепно. Пришла на вечеринку, а попала на коллективный допрос из-за чужой драмы.

Оливия медленно повернула голову.

Дэмиан — тоже.

Ильсина стояла в дверном проёме со стаканом в руке. Безупречная укладка не сдвинулась ни на волос. Выражение лица было скупающим.

— Можешь не переживать, — спокойно сказала Оливия. — Главная роль тебе всё равно не досталась, сколько бы ты ни старалась оказаться в центре кадра.

Несколько человек рядом приснули.

Ильсина посмотрела на неё.

— По крайней мере, мне не приходится цепляться за чужую компанию, чтобы меня заметили.

Оливия сняла очки, протёрла край свитера и снова надела.

— Если это попытка задеть меня из-за Дэмиана, говори прямо. У нас и без того слишком много загадок на один вечер.

Ильсина шагнула ближе.

— Хорошо. Прямо так прямо. Дэмиан вежливый, и некоторые девушки слишком быстро принимают это за интерес.

— А некоторые слишком долго принимают отсутствие ответа на сообщения за приглашение продолжать.

В комнате стало заметно тише.

Коул скосил взгляд на Дэмиана. Тот закрыл глаза на секунду, явно понимая, что разговор пора заканчивать.

— Достаточно, — сказал он, прежде чем Ильсина успела ответить. — Я не просил тебя объяснять Оливии, что я чувствую и к кому проявляю интерес. И уж точно не давал повода унижать её из-за того, что она находится рядом со мной.

Ильсина застыла.

— Ты серьёзно встаёшь на её сторону?

— Я не выбираю «стороны». Я говорю, что ты нападаешь на человека без причины. А если тебе важно знать, почему мы весь вечер рядом: потому что я сам этого хочу.

Оливия перестала улыбаться.

Ильсина тоже.

Вот теперь Дэмиан попал точно.

— Как мило, — протянула она. — Посмотрим, сколько это продлится.

— Можешь не смотреть. Это не конкурс и не переговоры.

Её лицо исказилось.

— Пошёл ты.

— Вот теперь мы наконец поняли друг друга.

Она резко развернулась и столкнулась плечом с Эйвери.

Не случайно.

Коул шагнул вперёд, но Эйвери уже удержала равновесие.

— В следующий раз смотри, куда идёшь, — сказал он ровно.

Ильсина остановилась.

— Ой. Я не заметила.

— В следующий раз заметишь.

— Коул, — тихо сказала Эйвери, давая понять, что дальше не нужно.

Он остановился.

Но было поздно.

Ванесса, всё это время стоявшая возле лестницы, холодно рассмеялась.

— Невероятно. Эйвери появилась здесь меньше недели назад, а вы уже все ведёте себя так, будто всё должно вращаться вокруг неё.

Эйвери побледнела. Совсем чуть-чуть.

Коул почувствовал, как внутри что-то оборвалось.

— Ванесса, не надо.

— Почему? Я сказала неправду? Вчера весь кампус обсуждал её видео. Сегодня из-за неё служба безопасности в моём доме. Ты отменяешь планы, Дэмиан играет телохранителя, Оливия готова бросаться на каждого, кто скажет что-то не то. Может, проблема не всегда вокруг неё. Может, проблема — она сама.

Наступила тишина.

Та самая, после которой слова уже нельзя забрать назад.

Эйвери смотрела на Ванессу без выражения.

Это было хуже, чем если бы она разозлилась.

Коул сделал шаг вперёд.

— На этом закончи.

Ванесса перевела на него глаза.

— Ты даже не знаешь, что о ней говорят. Или про старый колледж ты тоже уже всё решил не замечать?

Эйвери дёрнулась. Едва заметно.

Но Коул увидел.

— Откуда ты знаешь про старый колледж?

Ванесса пожала плечом.

— Люди разговаривают. Пост гулял по студенческим чатам. Она не первая девушка, которая решила сменить колледж после скандала.

Слово «скандал» прозвучало нарочно громко.

Несколько человек в комнате переглянулись.

Эйвери медленно опустила телефон.

— Продолжай. Раз уж решила вынести это на всю комнату, мне интересно, что ещё ты успела узнать.

Коул повернулся к ней.

— Эйв, тебе не нужно это слушать.

— Нужно. Хотя бы один раз я хочу услышать чужую версию в лицо, а не из анонимного поста.

Ванесса улыбнулась.

И вот теперь Коул впервые увидел то, о чём Эйвери сказала наверху.

Шёлк.

И лезвие.

— Я знаю, что вокруг тебя всегда слишком много шума. И что Коул почему-то считает своим долгом спасти всё, что выглядит сломанным.

Коул почувствовал, как напрягся Дэмиан.

Эйвери не моргнула.

— А тебя, видимо, раздражает не то, что он кого-то «спасает», а то, что в этот раз смотрит не на тебя.

Улыбка Ванессы исчезла.

Попадание.

— Не льсти себе.

— Не собиралась. Ты прекрасно справляешься сама.

Миллер сделал шаг ближе.

— Сейчас не место для личных выяснений.

— Полностью согласна, — резко сказала Ванесса. — Я вообще не понимаю, почему должна оправдываться в собственном доме.

Коул посмотрел на неё холодно.

— Никто не заставляет тебя оправдываться. Но ты специально бьёшь туда, где больно, и называешь это честностью.

— А ты опять защищаешь её.

— Да. Потому что сейчас ты ведёшь себя отвратительно.

Ответ прозвучал раньше, чем он успел подумать.

Ванесса замерла.

Эйвери резко посмотрела на него.

Коул не отвёл глаз.

— После всего, что я...

— Не начинай, Ванесса. Не здесь и не сейчас. То, что между нами когда-то было или не было, не даёт тебе права унижать Эйвери перед толпой.

На её лице что-то дрогнуло.

— Когда поймёшь, что она тебе врёт, вспомни этот разговор.

Вот теперь удар пришёлся в него.

Потому что Ванесса не знала, насколько близко подошла к правде.

Эйвери действительно только что ему солгала.

И всё равно это ничего не меняло.

— Она сама решит, что мне рассказывать и когда. Я могу не любить это решение, но оно всё равно её.

Эйвери смотрела на него так, будто не ожидала этих слов.

Если честно, он тоже.

Миллер поднял руку, окончательно пресекая разговор.

— Всё. У меня есть список. Те, кого я попрошу остаться, остаются. Остальные смогут уехать по одному после того, как оставят имя и номер. Любые дальнейшие личные споры — за пределами моего опроса.

По комнате прокатился шум.

Ванесса отвернулась. Илсина подошла к ней и что-то прошептала. Обе посмотрели на Эйвери, не скрываясь.

Коул заметил.

Эйвери тоже.

— Я хочу отсюда уехать, — сказала она.

* * *

На улице было холоднее, чем час назад. Эйвери шла к машине быстро, не оглядываясь. Оливия держалась рядом. Дэмиан задержался у двери, оставляя номер Миллеру.

Коул догнал Эйвери у тротуара.

— Эйв. Я не буду спрашивать про то последнее сообщение. Сейчас не об этом.

Она остановилась и посмотрела на него устало.

— Тогда о чём?

— О тебе. После всего, что сейчас произошло. Только не отвечай «в порядке», если это будет ещё одна автоматическая фраза.

Эйвери коротко рассмеялась без веселья.

— Девушка, которая явно хочет тебя, объявила перед половиной вечеринки, что я ходячая катастрофа. Её подруга попыталась протаранить меня плечом. Кто-то фотографировал нас из окна. А человек из моего прошлого знает, где я нахожусь. Так что нет, Коул, я не особенно в порядке.

Он выдержал её взгляд.

— С Ванессой я разберусь сам. Не в смысле «спасу тебя» — в смысле обозначу границу там, где она касается меня. Тебе не нужно участвовать в этом разговоре.

Эйвери прищурилась.

— Только не говори, что она тебя не хочет. Даже великий Хейз должен иногда признавать очевидное.

Коул закрыл рот прежде, чем успел солгать.

Уголок её губ едва дрогнул.

— Надо же. Ты всё-таки знаешь, когда лучше промолчать.

Она уже отвернулась, но потом снова посмотрела на него.

— И тебе не надо было вступаться за меня перед всеми. Теперь она знает, что может задеть.

— Она не выиграла ничего только потому, что увидела твою реакцию. Уязвимость — не приз, который кто-то может у тебя отнять.

Эйвери нахмурилась.

— Ты не понимаешь.

— Тогда не буду притворяться, что понимаю. Но скажи хотя бы одно: ты правда думаешь, что я смотрю на тебя как на человека, которого нужно чинить?

Она замерла.

— Именно это я и хотела спросить. Ты считаешь меня сломанной?

Коул медленно выдохнул.

— Нет. Ты ужасно упрямая. Иногда принимаешь решения, от которых мне хочется удариться головой о стену. Врёшь, когда боишься. Делаешь вид, что тебе никто не нужен. Умеешь довести меня до бешенства одним поднятым бровью. Но всё это не делает тебя сломанной.

— Очень романтичный список достоинств.

— Я ещё не закончил. И я не спасаю тебя.

Эйвери перестала улыбаться.

— Тогда что ты делаешь?

Вопрос прозвучал тихо.

Он мог ответить десятком безопасных фраз.

Помогаю. Разбираюсь. Держу ситуацию под контролем.

Ни одна не была правдой.

— Остаюсь.

Она моргнула.

Коул продолжил прежде, чем она успела отшутиться:

— В детстве ты постоянно пыталась выгнать меня из своего убежища. Я сидел снаружи, пока ты сама не решала выйти. Сейчас могу сделать то же самое. Если скажешь уйти — уйду. Если нет — останусь рядом, но не вместо тебя.

Эйвери долго смотрела на него.

Между ними проехала машина, фары скользнули по её лицу и исчезли.

— Ненавижу, когда ты становишься нормальным. Это разрушает удобную картину мира.

— Не делай далеко идущих выводов. Состояние может быть временным.

Позади хлопнула входная дверь.

Оливия вышла первой. Дэмиан шёл следом, а за ним — Ильсина.

Коул тихо выругался.

— Дэмиан, подожди.

Ильсина схватила его за локоть. Он остановился и спокойно освободился прежде, чем ответить.

— Если разговор снова про Оливию, давай сразу сократим его. Я уезжаю с ними, потому что хочу уехать с ними. Не потому, что меня кто-то заставил.

Ильсина посмотрела на него с неверием.

— Ты правда выбираешь её компанию? Она тебе даже не подходит.

Дэмиан стал очень спокойным.

Плохой знак.

— Ты не можешь знать, кто мне подходит. Ты знаешь, как меня зовут, где я живу и что я не отвечаю на твои сообщения. Это не то же самое, что знать меня.

Её лицо исказилось.

— Когда она тебе наскучит, ещё прибежишь.

Оливия наконец вмешалась:

— Можно хотя бы один разговор закончить без попытки унизить женщину, которую ты назначила соперницей без её согласия?

Ильсина повернулась к ней и рассмеялась.

— Соперницей? Милая, для этого тебе сначала нужно быть в той же лиге.

Оливия побледнела.

Дэмиан шагнул вперёд.

— Всё. Больше не подходи к ней с этим. Это не угроза и не просьба — граница. И устанавливаю я её ради себя, потому что мне надоело смотреть, как ты превращаешь мой выбор в соревнование между женщинами.

Это прозвучало жёстче любого ответа.

Ильсина стиснула зубы.

— Наслаждайся, пока можешь. Дэмиан быстро теряет интерес.

Она уже уходила, каблуки отбивали злой ритм по дорожке.

Оливия смотрела ей вслед.

— Какая приятная девушка. Сразу хочется пригласить на чай.

Дэмиан вздохнул.

— Я мог бы сказать, что она не всегда такая, но это будет ложью. Поэтому просто извини за весь этот цирк.

Оливия фыркнула, и напряжение немного отпустило.

Коул открыл машину.

— Ладно. Все внутрь. И прежде чем кто-то обвинит меня в капитанских замашках — сегодня я водитель, так что хотя бы один приказ имею право отдать.

Эйвери подняла руки в знак капитуляции.

— На этот раз аргумент принимается.

* * *

У общежития Оливия и Дэмиан задержались у входа. Коул не спрашивал почему. Дэмиан умел справляться с собой без инструкций.

Эйвери уже открыла дверь машины, когда телефон Коула завибрировал.

Неизвестный номер.

Сердце провалилось.

Он открыл сообщение.

Фотография.

Старый университетский коридор. Качество было плохим, будто снимок сделали много лет назад на телефон. Серые стены. Полосы люминесцентного света. В дальнем конце — красная табличка EXIT. Под ней металлическая дверь.

Коул перестал дышать.

Он видел этот коридор впервые.

Но несколько минут назад Эйвери смотрела на сообщение так, будто стояла именно там.

Под фотографией было написано:

Неизвестный номер: «Спроси её, кто был по ту сторону двери».

— Коул?

Он поднял глаза.

Эйвери стояла рядом с машиной. Она увидела его лицо. Потом телефон.

— Покажи. Не пытайся сейчас решать, что мне лучше не видеть.

Ему хотелось закрыть экран. Сказать, что ничего. Впервые сделать то, что она делала всё это время: спрятать неприятную правду, чтобы защитить другого человека от неё.

Но это была не защита.

Он уже понял.

Коул протянул ей телефон.

Эйвери посмотрела на фотографию.

И мир на её лице погас.

Совсем.

Она отступила на шаг.

— Нет.

Одно слово. Шёпотом.

В её глазах больше не было злости.

Только страх.

Настоящий.

Тот, который она так старательно прятала от него с первого дня.

Коул не приблизился.

— Я не буду спрашивать, что означает сообщение. Но мне нужно понять, узнаёшь ли ты эту дверь и человека, о котором он пишет.

Эйвери сжала пальцы.

— Я сказала тебе, что не знаю.

— Тогда не объясняй всё. Ответь только на одно: ты была там?

Она молчала.

Слишком долго.

Потом в стеклянных дверях общежития отразился свет фар.

Эйвери резко обернулась.

На парковку въехала тёмная машина.

Остановилась.

Никто не вышел.

Через секунду телефон Коула снова завибрировал.

Ещё одно сообщение.

Неизвестный номер: «Не заставляй её вспоминать».

Коул поднял голову.

Машина уже тронулась.

— Дэмиан! — крикнул он.

Тот обернулся.

Тёмный автомобиль свернул за угол и исчез.

Коул успел увидеть только последние две цифры номера.

Эйвери стояла рядом совершенно неподвижно.

— Он здесь, — прошептала она.

И впервые это прозвучало не как догадка.

ГЛАВА 7

НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ

Эйвери

— Он здесь, — прошептала Эйвери.

Слова прозвучали тише, чем шум закрывающейся двери общежития, но Коул услышал. Конечно услышал.

Он смотрел туда, где несколько секунд назад исчезла тёмная машина. Дэмиан уже спустился с крыльца и быстро шёл к парковке, одновременно набирая Миллера. Оливия застыла у стеклянных дверей.

Эйвери не двигалась.

Не потому, что боялась сделать шаг.

Потому что тело вдруг вспомнило раньше головы.

Холод металла под ладонью. Красную табличку EXIT. Чужой голос за дверью. И собственное дыхание — слишком громкое, слишком частое.

Коул встал перед ней, перекрывая обзор дороги, но не коснулся.

— Эйв, не нужно сейчас ничего объяснять. Просто посмотри на меня и скажи, что тебе нужно в эту минуту. Не тогда. Не про дверь. Сейчас.

Вопрос сбил сильнее любого приказа.

Она сглотнула.

— Мне нужны десять минут без вопросов. И... не уезжай сегодня.

Он ответил не сразу. Не потому, что сомневался. Скорее потому, что понял, сколько ей стоила эта просьба.

— Хорошо. Вопросов не будет. И я не уеду.

Дэмиан вернулся через минуту.

— Миллер поднял патруль. Проверят камеры на въезде и соседние улицы, хотя на номер надежды немного — я увидел только хвост машины и собственную выдающуюся реакцию в зеркале.

Оливия выдохнула.

— Ты сейчас серьёзно умудряешься шутить?

— Это защитный механизм. К тому же талант нужно поддерживать в форме.

Он сказал это легко, но глаза оставались холодными.

Потом посмотрел на Эйвери уже без улыбки.

— Пойдём внутрь. Здесь мы только обеспечим человеку красивый фон для следующей фотографии. Остальное пусть ищет патруль.

Даже сейчас он умудрялся выглядеть так, будто ночная парковка была его территорией. Чёрная футболка под расстёгнутой курткой обтягивала плечи, рукава были закатаны, на предплечье темнели линии татуировки.

Две девушки у автомата с напитками проводили его взглядом, хотя вокруг только что носилась служба безопасности.

Оливия заметила это тоже.

— Мир может рушиться, а женская половина кампуса всё равно успевает оценить Блейка. В каком-то смысле даже успокаивающая стабильность.

Дэмиан ухмыльнулся.

— Рад быть опорой цивилизации.

На этот раз Эйвери действительно улыбнулась. Всего на секунду.

И была благодарна ему за неё.

* * *

Миллер разрешил им подняться только после того, как патруль обошёл парковку и соседние улицы. Оливия сразу объявила, что сегодня спит у Эйвери. Дэмиан принёс из машины толстовку и зарядку, а Коул остался в общем холле этажа.

Эйвери задержалась в дверях комнаты.

— Ты можешь зайти. Я не имела в виду, что тебе обязательно сидеть в коридоре всю ночь.

Коул посмотрел на неё внимательно.

— Ты просила, чтобы я не уезжал. Это не то же самое, что разрешение войти в комнату и караулить тебя у кровати. Я побуду здесь. Если захочешь поговорить — выйдешь. Если захочешь спать — я не стану проверять тебя каждые пять минут.

Она прислонилась плечом к косяку.

— С каких пор ты настолько точно различаешь границы?

Его лицо стало серьезнее.

— С тех пор как понял, что однажды почти потерял право находиться рядом. Не хочу повторять эту ошибку.

Никакой шутки после.

Эйвери перестала дышать на полувдохе.

— А если я захочу, чтобы ты ушёл?

— Тогда уйду. Без спора.

Вот и всё.

От этого «уйду» внутри стало странно тесно.

Эйвери кивнула и закрыла дверь.

Оливия уже стелила себе одеяло на второй кровати.

— Я обещаю не комментировать сцену в коридоре, — сказала она, не поднимая головы.

— Но предупреждаю: лицо у меня всё равно будет очень говорящее.

— С лицом я как-нибудь справлюсь.

Оливия замолчала, потом села на край кровати.

— Тогда один вопрос, и если не захочешь отвечать, я отстану. Ты узнала машину?

— Нет. Машину я точно не узнала.

Это было правдой.

И всё же не всей.

Она не узнала машину. Она узнала ощущение. Ожидание того, что кто-то находится достаточно близко, чтобы видеть, как ты боишься.

Телефон лежал экраном вниз. Эйвери не трогала его почти час. Когда наконец перевернула, новых сообщений не было.

От этого легче не стало.

* * *

Она проснулась в шесть сорок от чужого смеха в коридоре. Несколько секунд не понимала, где находится. Потом увидела Оливию, спящую поперёк второй кровати, и вспомнила всё сразу.

Машину.

Фотографию коридора.

Неизвестный номер: «Не заставляй её вспоминать».

Эйвери вышла из комнаты босиком.

Коул спал в кресле, запрокинув голову на стену. На груди лежала сложенная куртка, телефон всё ещё был в руке.

Он действительно остался.

Не проверял её каждые пять минут. Не вломился внутрь. Не заставил рассказывать.

Просто остался.

Эйвери смотрела на него дольше, чем следовало.

— Если собираешься любоваться, выбери хотя бы мою хорошую сторону, — хрипло произнёс он, не открывая глаз.

Она вздрогнула.

— Ты не спал?

Коул наконец открыл глаза.

— Теперь уже точно нет.

По привычке на языке появилось старое «ненавижу тебя», но Эйвери успела сказать его только наполовину:

— Иногда ты совершенно...

— Не возвращайся к прежним фразам только потому, что они безопаснее, — тихо перебил он. — Мы вчера смогли говорить нормально. Значит, можем и сегодня.

Эйвери остановилась как вкопанная.

Потом медленно села на подлокотник соседнего кресла.

— Я не очень умею нормально именно с тобой.

— Я тоже. Значит, научимся по ходу.

Слишком взрослый ответ для человека, с которым она половину жизни соревновалась, кто первым доведёт другого до бешенства.

— Тогда начинай ты. Только помни про обещание не вытаскивать из меня всё сразу.

Коул провёл ладонью по лицу.

— Я не буду спрашивать имя и не попрошу пересказывать ту ночь. Мне нужно понять только уровень риска. Человек из той истории может быть опасен для тебя сейчас?

Эйвери долго смотрела на пустой коридор.

— Я правда не знаю. Это не попытка уйти от ответа. Я не знаю, на что он способен теперь и чего вообще хочет.

Коул принял ответ без давления.

И это оказалось одновременно хуже и лучше.

— Там был не только я, — сказала она наконец и тут же поправилась: — Не только я одна.

Коул не пошевелился.

— Я не стану расспрашивать дальше. Но если захочешь сказать хоть что-то, я слушаю.

Эйвери закрыла глаза.

— Я пыталась помочь одному человеку. Видео показало совсем другую историю, потому что началось уже после того, что было действительно важно.

Коул сжал челюсть, но не перебил.

— Что на нём — не спрашивай. Не сегодня.

— Не буду.

Эйвери встретила его взгляд и зачем-то добавила:

— Ты даже не спросишь, кого я ударила?

Его глаза резко поднялись к её лицу.

Слишком поздно.

Она сама сказала больше, чем собиралась.

Коул выдержал короткую паузу.

— Нет. Не сегодня.

Эти два слова раньше бесили её до дрожи.

Теперь прозвучали как обещание.

* * *

К девяти утра кампус уже знал, что вечеринку Ванессы закончила служба безопасности. К десяти у истории появились версии. К одиннадцати Ванесса выложила сторис.

Чёрный фон. Белые буквы.

«Напоминание на будущее: не каждый человек, которого вы пускаете в дом, приносит с собой хорошую компанию».

Имени не было.

Оно и не требовалось.

Ильсина репостнула сторис и добавила маленькую подпись:

«Некоторые люди называют хаос “случайностью”, пока он не становится привычкой».

Оливия показала экран Эйвери в столовой.

— У меня внезапно появилось очень сильное желание случайно пролить на кого-нибудь суп. Но если это слишком очевидно, могу перейти на кофе.

Эйвери вернула ей телефон.

— Не трать хороший кофе. Пусть говорят.

Оливия не улыбнулась.

— Ты понимаешь, что именно этого они и добиваются? Чтобы все решили, будто вчерашнее произошло из-за тебя, а не из-за человека, который за тобой следит.

— Формально он пришёл туда из-за меня.

— Нет. Формально ответственность несёт тот, кто решил следить. Не ты за то, что существуешь в том же доме.

Эйвери не успела ответить.

По столовой прошёл едва заметный сдвиг внимания.

Дэмиан вошёл через боковые двери.

Это было почти смешно.

Он был в простой чёрной футболке, тёмных джинсах и с рюкзаком на одном плече. Ничего особенного. И всё же девушка у стойки обернулась дважды, бариста улыбнулась шире, чем предыдущим трём студентам вместе, а кто-то за соседним столом совершенно открыто проследил за тем, как он идёт.

Оливия проводила эту волну внимания взглядом.

— Вот это меня и раздражает. Он умеет существовать настолько громко, ничего для этого не делая.

Дэмиан остановился возле их стола и поставил перед ней стакан.

— Латте. Два шота. Без корицы. И прежде чем начнёшь спорить — да, купил специально тебе. Вчера ты двадцать минут ругалась с автоматом из-за корицы, это трудно забыть.

Оливия взяла стакан и прочитала надпись на крышке.

— Спасибо. Но не думай, что одним кофе купил право быть невыносимым.

— Не переживай. У меня репутация бессердечного красавца, и я очень дорожу хотя бы одной её частью.

— Первую часть я ещё проверяю.

— А вторая, получается, вопросов не вызывает?

Оливия посмотрела на него поверх стакана.

— Ты сам себе выдаёшь сертификаты?

— Нет. Кампус голосовал.

Эйвери впервые за утро рассмеялась.

И именно в этот момент к столу подошли Ванесса и Ильсина.

Ванесса была безупречна: бежевое пальто, гладкие волосы, спокойное лицо. Ильсина — в коротком тёмном жакете и сапогах на каблуке, будто пришла не на пары, а за чужим поражением.

— Как мило, — сказала Ванесса. — Группа поддержки уже в полном составе.

Эйвери подняла глаза.

— Если пришла продолжить вчерашний разговор, можешь сразу сэкономить нам всем время.

— Я пришла предупредить: если служба безопасности ещё раз решит закрыть мой дом из-за твоих проблем, приглашения больше не будет.

— С этим легко. В следующий раз просто не приглашай меня.

— Поверь, повторять ошибку не собираюсь.

Ванесса улыбнулась.

Это была не улыбка.

Это был аккуратно заточенный инструмент.

Ильсина тем временем смотрела только на Дэмиана.

— Ты утром снова не ответил. Я хочу понять, ты намеренно делаешь вид, будто вчера ничего не произошло?

Дэмиан поднял на неё глаза и на этот раз даже не попытался смягчить ответ.

— Я намеренно не отвечаю, потому что не хочу продолжать это знакомство в той форме, которую ты придумала. Ты красивая девушка, Ильсина. Но я не хочу с тобой ни встречаться, ни танцевать, ни просыпаться в одной постели. Если после этого останутся вопросы, я уже не знаю, как объяснить яснее.

За соседним столом кто-то подавился напитком.

Ильсина побледнела.

— Не переоценивай себя.

— Я как раз отчаянно пытаюсь снизить рыночную стоимость. Окружение саботирует усилия.

Кто-то неподалёку засмеялся.

Ильсина вспыхнула.

— Наслаждайся вниманием, пока можешь. Некоторые из нас хотя бы знают разницу между интересом и жалостью.

Она посмотрела на Оливию.

Дэмиан перестал улыбаться.

— Не втягивай её. Я говорил о себе и о тебе. Оливия здесь ни при чём.

— Я с ней даже не разговаривала.

— Именно поэтому особенно впечатляет, как ты умудряешься оскорблять человека, не называя имени.

Ванесса вздохнула.

— Господи, Дэмиан. Ты ведёшь себя так, будто она особенная.

Он откинулся на спинку стула.

— А тебя почему это вообще волнует? Если не волнует — прекрасно, утро спасено.

Ванесса перевела взгляд на Эйвери.

— Кстати, твоя старая история оказалась интереснее, чем я думала.

Столовая вокруг будто стала тише.

Эйвери не моргнула.

— Ты специально искала информацию обо мне?

Ванесса чуть наклонила голову.

— Это не государственная тайна. Мне стало любопытно, кого Коул так самоотверженно защищает.

— Ванесса, — предупредил Дэмиан.

— Я ничего не распространяю. Пока.

Последнее слово она произнесла мягко.

Ильсина улыбнулась.

Оливия поставила стакан на стол.

— Вы действительно просыпаетесь с мыслью, кому бы сегодня испортить жизнь, или это приходит только после завтрака?

Ванесса посмотрела на неё холодно.

— Некоторые предпочитают знать, с кем имеют дело, вместо того чтобы быть наивными.

— А некоторые называют зависть исследовательской работой.

Дэмиан поднялся прежде, чем ответ успел стать ещё грязнее.

Движение было спокойным, но пространство вокруг него изменилось.

— На этом спектакль закончен. Я ухожу, и было бы прекрасно, если бы вы обе продолжили быть неприятными на безопасном расстоянии от нас.

Он протянул Оливии руку. Не демонстративно. Просто предложил встать.

Она секунду смотрела на его ладонь, потом вложила свою.

Ильсина заметила.

Её лицо стало жёстким.

— Посмотрим, как долго ты будешь изображать хорошего парня.

Дэмиан отпустил руку Оливии только когда та поднялась.

— Я никогда не изображал хорошего. Просто внешность часто вводит людей в заблуждение.

Оливия закатила глаза.

Но уши у неё покраснели.

* * *

Коул нашёл Эйвери после второй пары. Он не спросил, почему она ушла из столовой раньше всех. Не стал говорить о Ванессе. Просто сел рядом на ступеньку у старого корпуса.

— Миллер звонил. Камера у въезда поймала тёмный седан, но номер засвечен фарами. Запись уже у полиции кампуса, проверяют соседние камеры. То есть пока результата нет, но они хотя бы знают, что ищут.

Эйвери молча кивнула.

Ветер перебирал сухие листья у их ног.

— Ванесса искала информацию обо мне, — сказала она спустя минуту. — Дэмиан, наверное, уже рассказал.

— Да. И я не собираюсь «останавливать» её только потому, что она ведёт себя мерзко. Если она нарушит закон или начнёт распространять материалы — вмешаемся. Исправлять её характер не моя работа.

Эйвери чуть улыбнулась.

— Прогресс продолжается.

— Я стараюсь не испортить статистику.

Он замолчал, а потом повернулся к ней полностью.

— Эйв, я хочу спросить не о прошлом. Хочешь, чтобы я был в этом вместе с тобой? В поиске того, кто пишет. В разговорах с Миллером. И в старой истории, если она снова полезет наружу. Не как человек, который будет тебя спасать, а как тот, кому ты разрешила остаться.

Сердце ударило сильнее.

Ни одной колкости не нашлось.

И впервые Эйвери не стала искать.

— Да. Но на моих условиях.

— Именно поэтому спрашиваю. Тогда давай договоримся об одном с каждой стороны. Если тебе страшно, не говори мне автоматически, что всё нормально. Можешь сказать: «Не хочу объяснять». Я приму это. А я не буду изображать бесстрашного идиота и тоже скажу, если чего-то боюсь.

Эйвери посмотрела на его профиль.

— Тебе страшно сейчас?

Коул повернулся к ней.

— Да. Потому что кто-то находится достаточно близко к тебе, а мы пока не знаем кто. И ещё потому, что я могу узнать то, чего ты боялась рассказывать, но всё равно не смогу изменить то, что уже случилось.

Эйвери опустила глаза.

— Не сможешь.

— Знаю.

Его рука лежала на ступеньке между ними.

Эйвери сама накрыла её пальцами.

Коул не сжал сразу.
Подождал.
И только когда она не убрала ладонь, переплёл пальцы с её.
Так было страшнее, чем любой поцелуй.
Потому что это не было ошибкой.
* * *

Вечером Эйвери вернулась в комнату одна. Оливия задержалась в библиотеке. Коул был на тренировке. Миллер обещал позвонить, если появится что-то новое.

Она сделала чай, включила настольную лампу и впервые за двое суток попыталась открыть учебник.

Телефон завибрировал через семь минут.
Неизвестный номер.
Эйвери не прикоснулась к нему сразу.
Потом всё-таки открыла сообщение.
Аудиофайл.
Длительность: восемь секунд.
Ни текста.
Она нажала воспроизведение.
Сначала был шум. Далёкая музыка. Стук металла. Чьё-то тяжёлое дыхание.
Потом собственный голос.
Моложе.
Сломаннее.
— Открой дверь. Пожалуйста, открой дверь.
Эйвери перестала чувствовать пальцы.
В записи раздался мужской смех.
Тихий.
Совсем рядом с микрофоном.
А затем голос, который она пыталась забыть два года:
— Теперь уже поздно, Эйвери.
Файл закончился.
Телефон едва не выпал из руки.
Она не слышала этого голоса с той ночи.
Не видела его владельца с той ночи.
И всё равно узнала с первого слова.
Новое сообщение появилось прямо под аудио.
Неизвестный номер: «Ты так и не рассказала Хейзу, что сделала, когда дверь открылась».
Эйвери смотрела на экран.
В этот раз она не набрала номер Коула.
Она открыла его чат и написала:
Эйвери: «Ты можешь прийти?»
Ответ пришёл мгновенно.
Коул: «Да».
Эйвери положила телефон на стол.
Потом впервые за два года произнесла имя вслух.
Очень тихо.
Так, будто стены могли услышать.
— Грант.

ГЛАВА 8

ПРАВИЛА ПРИТЯЖЕНИЯ

Дэмиан

Дэмиан Блейк давно привык к тому, что женщины смотрят.

Иногда незаметно. Иногда так, будто незаметность придумали для людей с меньшей уверенностью в себе. Сегодня девушка за стойкой спортивного центра уронила ручку, когда он снял куртку. Её подруга толкнула её локтем. Парень рядом закатил глаза.

Обычное утро.

Коул застегнул спортивную сумку и покачал головой.

— Тяжело, наверное, жить с таким уровнем общественного внимания. Девушка теперь весь день будет вспоминать, что ты даже не попросил номер.

Дэмиан посмотрел на своё отражение в зеркальной стене. Чёрная майка, серые тренировочные брюки, влажные после душа волосы, татуировка на предплечье. Ничего нового.

— Не переживай, номер я всё-таки взял. Шкафчика. Мы всё ещё в раздевалке, Хейз.

Коул даже не улыбнулся по-настоящему. Его взгляд уже упал на телефон.

Дэмиан сразу понял, кто написал.

— Эйвери?

— Да. Ночью ей прислали аудиофайл с голосом человека из прошлого. Теперь у нас есть имя — Грант. Фамилию она пока не сказала, и я не собираюсь вытаскивать её силой.

Дэмиан перестал завязывать шнурок.

— Вот теперь я действительно горжусь тобой. Ещё немного — и станешь эмоционально функциональным взрослым.

— Не порть редкий момент.

— Я здесь исключительно ради этого.

Коул бросил полотенце в сумку.

— Миллер хочет аудио, Эйвери передаст его сама. И есть ещё одна проблема. Ванесса рылась в её прошлом и, похоже, нашла старое видео.

Дэмиан выпрямился.

— Откуда знаешь?

— Эйвери заметила, как Ванесса показывала что-то Ильсине, а один из ребят написал мне, что ещё вчера Ванесса спрашивала в общем чате, есть ли у кого знакомые в прежнем колледже Эйвери.

Дэмиан взял куртку.

— Тогда я поговорю с Ванессой и выясню, что именно она получила. Ты сейчас всё равно поедешь к Эйвери, и если одновременно возьмёшь на себя Миллера, машину, неизвестный номер и войну с Ванессой, к обеду у тебя лопнет голова. Мне придётся искать нового соседа, а у тебя хороший телевизор.

Коул посмотрел на него ещё секунду.

— Без драки.

Дэмиан оскорблённо приложил ладонь к груди.

— Ты до сих пор припоминаешь парковку в прошлом семестре? Я был предельно дипломатичен. Просто парень стоял не там, поэтому я аккуратно переставил его на капот.

Коул всё-таки усмехнулся.

— Просто выясни, что она нашла.

— Уже звучит как разумное поручение.

* * *

Ванесса нашла у корпуса социальных наук. Разумеется, не одна. Рядом стояла Ильсина и ещё две девушки из их компании. Ванесса держала кофе, Ильсина что-то показывала на телефоне.

Когда Дэмиан подошёл, все четыре заметили его одновременно. Одна из девушек машинально поправила волосы.

Предсказуемо.

Ильсина улыбнулась первой и окинула его взглядом без малейшей попытки скрыть интерес.

— Наконец-то. Ты после тренировки?

— Нет, я всегда хожу с мокрыми волосами и спортивной сумкой, чтобы поддерживать загадочность.

Ванесса фыркнула.

— Тебе что-то нужно?

Дэмиан сразу посмотрел на неё.

— Видео Эйвери. Коул его мне не присылал, поэтому не трать время на выяснение источника. Ты искала информацию о ней и что-то нашла. Я хочу увидеть, что именно.

Улыбка Ильсины стала шире. Ванесса, наоборот, перестала улыбаться.

— А тебе какое дело?

— Мне не нравится, когда мои друзья становятся развлечением для людей, которым скучно. Если материал действительно важный — он должен попасть к Миллеру, а не гулять по компании как сплетня.

Ильсина шагнула ближе.

— Ты правда собираешься защищать Оливию и её подружку после того, что увидишь? На записи Эйвери совсем не похожа на жертву.

Дэмиан перевёл на неё спокойный взгляд.

— Я тоже не похож на человека, который умеет готовить, но вчера сделал пасту. Внешность иногда обманывает. Покажите ролик, потом обсудим факты.

Одна из девушек засмеялась. Ильсина бросила на неё такой взгляд, что смех оборвался.

Ванесса всё-таки достала телефон.

— Хорошо. Хочешь — смотри.

Видео длилось одиннадцать секунд.

Съёмка была вертикальной, дрожащей. Университетский коридор. Та самая красная табличка EXIT. Металлическая дверь распаивается, в кадре появляется Эйвери — моложе, с длинными волосами, бледная и разъярённая. Перед ней мужчина. Лица почти не видно. Он что-то говорит. Эйвери вырывает у него телефон. Он пытается забрать. Она толкает его в стену. Сильно. Телефон мужчины падает на пол. Эйвери наступает на него каблуком.

Запись обрывается.

Дэмиан посмотрел второй раз.

Не на Эйвери.

На дверь.

Она всё ещё качалась после того, как открылась. Из-за неё на секунду показалась чья-то рука.

Женская.

— И это всё? Одиннадцать секунд, которые начинаются уже после того, как дверь открылась?

Ильсина рассмеялась.

— Тебе мало того, что она нападает на человека?

— Мне достаточно, чтобы понять, что до первого кадра уже что-то произошло. Я не говорю, что Эйвери святая. Я говорю, что одиннадцать секунд — не вся история.

Ванесса скрестила руки.

— Ты говоришь как Коул.

Дэмиан поморщился.

— Это самое жестокое, что ты сказала мне за годы знакомства.

Ильсина шагнула ближе и положила ладонь ему на грудь.

— Хватит про них. Давай вечером выпьем, и я обещаю не обсуждать Эйвери ни секунды.

Дэмиан опустил взгляд на её руку, затем на лицо.

— Ильсина, раньше мне нравилось, когда ты флиртowała, потому что это было взаимно и легко. Сейчас я уже несколько раз сказал «нет», а ты почему-то решила, что это начало квеста. Не делай так.

Он мягко снял её ладонь со своей груди.

Она покраснела.

— Это из-за Оливии?

— Это из-за слова «нет». Оливия здесь вообще не нужна, чтобы мой ответ считался полноценным.

Ванесса отвела взгляд.

Ильсина быстро взяла себя в руки.

— Ты слишком много о себе думаешь. Она всё равно тебе наскучит. Все наскучивают.

Дэмиан улыбнулся без юмора.

— Знаешь, что тебя действительно злит? Не возможность того, что мне интересна Оливия. А то, что ты перестала быть уверена: достаточно захотеть мужчину — и он автоматически обязан захотеть тебя в ответ.

Ильсина побледнела.

— Пошёл ты.

— Этот этап мы уже проходили.

Она резко развернулась и ушла.

Ванесса проводила её взглядом, затем снова посмотрела на Дэмиана.

— Доволен?

— Нет. Теперь про тебя. Ты ведь полезла искать видео не из заботы о Коуле и не из внезапного интереса к справедливости.

Её пальцы сильнее сжали стакан.

— А из чего, по-твоему?

Дэмиан чуть наклонил голову.

— Ты злишься не потому, что считаешь Эйвери опасной. Ты злишься потому, что Коул смотрит на неё так, как никогда не смотрел на тебя.

Ванесса резко вдохнула.

Попал.

— Ты ничего не знаешь.

— Я живу с ним. Именно поэтому вижу: рядом с Эйвери он впервые за долгое время перестал играть капитана, который обязан контролировать всё вокруг.

— Очень трогательно. Береги тогда свою Оливию, Дэмиан. Девушки вроде неё слишком быстро начинают верить мужчинам вроде тебя.

Лёгкость внутри него исчезла.

— Не произноси её имя как угрозу.

— Это не угроза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.